

**АЛЕКСАНДР
АФАНАСЬЕВ**

ЭРА ДЖИХАДА

Александр Афанасьев
Эра джихада
Серия «Враг у ворот.
Фантастика ближнего боя»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4988903
Афанасьев А. Эра джихада: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-62297-9

Аннотация

Эта книга о будущем – но об очень плохом будущем. О том, к чему мы сейчас идем. О следующих шагах, которые может сделать и сделает наше общество в попытке защититься от терроризма. О появлении одиноких убийц, существующих в этом мире только для того, чтобы уничтожать других. О джихаде, который может быть объявлен не только русским – но и русскими, как война на уничтожение. О русском терроре.

Надо ли нам это? Кто выживет в такой войне? Кем мы стали и кем мы станем? Нужна ли нам – эра джихада?

Содержание

Прошлое	13
Прошлое	28
Недалекое прошлое	47
Наши дни	53
Информация к размышлению	65
12 мая 2015 года	69
Ночь на 13 мая 2015 года	81
Информация к размышлению	93
26 мая 2015 года	97
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Александр Афанасьев

Эра джихада

Когда им говорят:

«Вы на земле нечестие не сейте»,

Они отвечают: «Напротив!

Мы лишь благое сеем здесь».

Увы! Они все те, кто нечестье сеет,

Но сами этого не понимают.

Коран: Корова 11–12

*...Смерть каждого Человека умяляет и меня,
ибо я един со всем Человечеством, а потому не
спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по
Тебе.*

Джон Донн

Тех из вас, кто купил эту книгу в надежде почитать легкое, развлекательное чтиво, спешу обрадовать: вы зря потратили свои деньги. Извините, конечно, но это так. Книг, которые можно купить в мягкой обложке, почитать по дороге на работу в электричке и потом выбросить, существует достаточно, а авторов, пишущих в стиле «враги коварны, но наши всегда побеждают», – хватает и без меня. В принципе я понимаю, для чего пишутся такие книги – это своего рода социальная анестезия. Читаешь такое в метро, как доблестные спецназовцы расправляются с врагами в горах, но нет-нет да по сторонам и поглядываешь с подозрением. Этот черный,

эта смотрит как-то не так... обширялась или чего? Времена сейчас такие, беспокойные. От которых только в героической книжке в мягкой обложке и спасение...

Эта книга задает вопросы, ответы на которые не всегда очевидны, часто неприятны и уж точно очень тяжелы. Эта книга о будущем, но об очень плохом будущем. О том, к чему мы сейчас идем.

Кто-то найдет в этой книге оправдание и даже восхваление терроризма и предположит, что автор то ли сам террорист, то ли либерал, который за то, чтобы «отпустить Кавказ на все четыре стороны», то ли просто дурак, не понимающий, о чем пишет. Уверяю вас, это далеко не так. Я сын своего народа, русского народа, я не могу стоять на иной стороне, кроме нашей, и я ненавижу терроризм. То, что происходит на Кавказе сейчас, – это одновременно и чудовищная игра иностранных спецслужб, имеющая целью отторгнуть Кавказ от России, и «народный проект», проект народов, живущих на Кавказе. Цель этого проекта та же, что и у русских крестьян сто лет назад – не пойти по пути капитализма, законсервировать общественные и экономические отношения и даже в чем-то отступить назад. Русское слово «срам» и слово из исламского словаря «харам» (грех, недопустимое) – схожи, и это не просто так.

Я обращаюсь к русским, которые будут читать эту книгу, и говорю вам – посмотрите. Посмотрите на тот накал ненависти, который сквозит из каждой строчки, пусть в каждом

слове ошибка, но важны ведь не слова, а то, что за ними стоит. Эти люди живут рядом с нами. Эти люди ненавидят нас. Эти люди готовы убивать нас. Они постоянно рядом с нами, эта ненависть прорывается протуберанцами взрывов в московском метро, избиениями и убийствами на дискотеках, в подземных переходах, множась счет друг к другу живущих в одной стране народов.

Уйти с Кавказа и отгородиться стеной? Кто будет строить эту стену, сколько это будет стоить и за чей счет все это будет? Как быть с русскими, которые окажутся за стеной, мы что, их бросим? А как быть с теми русскими, которые проливали кровь в Грозном, в Махачкале, в Нальчике – это что, все напрасно? Как быть с ними? Борьба твоя безнадежна, подвиг твой – бесславен, имя твое – опорочено? Как быть с кровью наших дедов и прадедов, которая в обилии пролилась на эту землю? Почему мы решили, что мы умнее их? Почему то, что им было нужно, ради чего они лили кровь, легкомысленно отвергается нами?

А как вы думаете, какова будет жизнь за стеной? Чем там будут заниматься люди, притом что население прирастает там намного быстрее, чем у нас, полно детей, полно молодых людей? Амиры джамаатов станут директорами заводов, а рядовые моджахеды начнут на них работать? Или будет то же, что и с независимой Ичкерией 96–99 годов? С гастрوليрующими по всей стране бригадами боевиков, с «КамАЗами», в которых сделаны тайники для содержания похищенных, с

угонами самолетов, с тер-актами. И – в конце концов – с очередной операцией по покорению Кавказа, теперь уже всего Кавказа, в которой сгинут многие на радость нашим врагам.

А что мы отдадим дальше? Ваххабиты появились уже в Татарстане, Башкортостане. Это тоже будем отдавать? А как быть с теми русскими, которые принимают ислам и становятся ближе им, чем нам?

Вооружаться? Да, вооружаться. Становиться сильнее, дружнее, создавать отряды самообороны, не допускать нарушения закона, призывать к порядку. Не допускать даже малейшего нарушения закона – опыт мэра Нью-Йорка Руди Джулиани показал, что человек, наказанный за мелкое правонарушение, скорее всего, воздержится от совершения серьезного преступления. И у нас – группа кавказцев, доставленная в отделение или просто призванная к порядку вооруженными дружинниками, вряд ли будет грабить и убивать в дальнейшем. Кавказ чувствует силу и против силы никогда не идет.

Но что, кроме этого? Неужели – это все?

Подумайте, как мы смогли выиграть в Великой игре за Азию у самой Британии? Подумайте, почему у Британии не получилось создать Великую Черкессию, отрезав нас от Черного моря. Кто знает, что для севастопольской базы ВМФ место выбирал британский адмирал как для базы английского флота? Почему у них ничего не получилось? Почему мы смогли восстановить контроль над Кавказом в двадцатые?

Почему мы до сих пор на Кавказе – в то время как британцы вынуждены были бесславно покинуть Индостанский субконтинент, проиграв эту партию Великой Игры? Почему британские солдаты умирают сейчас в Афганистане, но победы не видать?

Что мы сейчас несем на Кавказ? Каков наш проект? Ради чего Кавказ должен быть с нами?

Вдумайтесь – а вообще, существует ли сейчас в мире хоть один позитивный проект, кроме ислама (притом что его позитивность более чем сомнительна)? Куда идти? Советский проект разрушен и опорочен. Американский... а что, Америка все еще град на холме? Или объект для всеобщей ненависти? И каждый день с заголовков газет – кризис, кризис, кризис. И негатив. Тут упало, там взорвалось, здесь прорвало...

Что мы несем на Кавказ? Раньше мы несли туда школы, заводы, города. Конники в краснозвездных шлемах несли туда справедливость – пусть не получилось даже, но ведь хотели! А что мы несем туда сейчас? Батальоны смерти?

Как получилось так, что мы восприняли британскую колониальную политику? Разделяй и властвуй, люди второго сорта, натравливание одних на других. Разве мы не понимаем, что эта политика уже опробована, и приведет она ровным счетом к тому же самому, к чему пришла и Британия. Маленькая и богатая метрополия, где дома в столице за бешеные деньги покупают бывшие жители колоний.

В мире не стало некоей неосязаемой, но очень важной субстанции – справедливости. Ища ее, к исламу приходят очень многие. В том числе уже и русские. Стеной – это не остановить.

Я обращаюсь и к кавказцам, которые, может быть, будут читать эту книгу, и тоже говорю им: подумайте. Хорошо подумайте. То, что может с вами произойти – не имеет исторического опыта ни в жизни вашего народа, ни в жизни моего народа. Но это может произойти. Да, Россия сейчас слаба – в то время как вы сильны, пусть даже вас на порядки меньше, чем нас. Но жестокости именно слабые. Неужели вы хотите познать на себе эту жестокость? Россия все более и более становится европейской страной – но не в смысле толерантности. А в смысле отказа от понимания того, что человек человеку брат, и неважно, на каком языке он говорит и какого цвета у него кожа. Ни в России, ни на Кавказе такого не было никогда. Но может быть. Адольф Гитлер пришел к власти именно в ослабленной, униженной, побежденной Германии. Напомнить, что стало потом?

Это даже не Сталин. Сталин поступил так, как могли поступить только в нашем обществе. Да, чеченцев, и не только чеченцев, выселили – но в то же время не расстреляли у рва. А вот в Германии врагов расстреливали. Уничтожали. Целыми народами. Миллионы и миллионы сгорели в адских печах лагерей уничтожения. Не-ужели кто-то из вас хочет оказаться в таком лагере?

Еще раз говорю: просто представьте себе, что это такое. Это не тюрьма. Не Чернокозово. Вас не повезут в суд, вам не будут предъявлять обвинений. Никто не будет разбираться, кто вы такие, джамаатовские – не джамаатовские. Никто не будет разбираться – женщины, дети, старики. Перед печью крематория, перед газовой камерой, перед самолетом, распыляющим ядовитый газ, все едины. Никто не будет ни в чем разбираться, вас просто уничтожат. Весь народ. И знаете что? Всем остальным будет на это плевать, как всему миру было плевать на европейских евреев.

Думаете, московские интеллигенты защитят вас? Да они первые будут хлопать в ладоши, когда вас потащат к крематорию или когда самолет с химическим оружием на борту будет подниматься в воздух. Потому что вы не сможете построить нормальную экономику, вы не сможете жить без нас. Как и чеченцы в конце девяностых – вы вынуждены будете жить преступлением, просто чтобы выжить. А интеллигент страшен своей трусостью, из интеллигентов получаются самые страшные палачи. Чтобы избавиться от своего страха, они готовы уничтожить целые народы.

К кому вы присоединяетесь? На чью сторону становитесь? Неужели вы думаете, что Запад, проигрывающий вам сейчас в Афганистане и Ираке, это и есть настоящий Запад? Нет, это не настоящий Запад. Настоящий Запад сбросил две атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Правила ведения войны в отношении вас – в то время как вы никаких правил не со-

блюдаете – Запад соблюдает только потому, что вас не воспринимают всерьез. Потому что пока верят в вас. Потому что хотят не уничтожить вас, но сделать вас другими.

Что вы сможете сделать, когда будут приняты совсем другие решения? Куда вы побежите, за каким камнем укроетесь, если вас решат попросту уничтожить? Что произойдет, когда к власти в России придет человек, которого пацаном избила и унизила кавказская ватага, что будет, если он примет решение стереть Кавказ с лица земли? Кто спасет вас, мусульман, если в одной из столиц ненавистного вам западного мира будет принято решение сжечь вас атомным огнем, и самолеты с атомными бомбами на борту вырывают на взлетные полосы, а ракетные подлодки откроют свои шахты? Кто вас защитит? Аллах?! Ну-ну...

Верьте дальше...

Исламский мир до сих пор жив только потому, что не принято решение его уничтожить. Как только оно будет принято – ничего вас не спасет, потому что вы ничего не создали для своего спасения. В сороковые Запад принял решение уничтожить нас, русских, но мы выжили, потому что создали атомную бомбу. Создали за полтора десятилетия. Что создали вы для своего спасения за полторы тысячи лет, пока существует ислам?

Ничего.

Эта книга повествует о нравственной катастрофе. О сле-

дующих шагах, которые может сделать и сделает наше общество в попытке защититься от терроризма. О появлении одиноких убийц, существующих в этом мире только для того, чтобы уничтожать других. О джихаде, который может быть объявлен не только русским, но и русскими, как война на уничтожение. О русском терроре.

Надо ли нам это? Кто выживет в такой войне? Кем мы стали и кем мы станем? Нужна ли нам эра джихада?

Решайте...

Я готов к войне, но призываю к миру.

Прошное

Вечер 12 сентября 2001 года

Грозный, Чеченская республика Ичкерия

*По дорогам с разбитым асфальтом
Не гуляют ни люди, ни звери.
По броне монотонно бьют капли,
Словно дождь отмечает потери.*

*Не похож вовсе город на город,
Тишиною на нервы здесь давит,
И какой-то случайный осколок
Точно знает, чью жизнь забирает...*

«Голубые береты». Раненый город

Осень две тысячи первого...

Война прокатилась по этой земле с запада на восток, оставив за собой разрушенные артиллерийским огнем села, хрустящий битым кирпичом, недобро щерящийся провалами в стенах Грозный, сотни могил, с именем и безымянных, и ненависть. Глухую и страшную ненависть, которая родилась не вчера и утихнет не завтра. Говорили, что когда-то война прекращалась с взятием столицы государства противни-

ка. Был такой неписанный закон. Теперь все было по-другому: теперь со взятием столицы противника война только началась. Русские это уже познали, американцам только предстояло познать...

Старый бронетранспортер – восьмидесятка, обложенный предусмотрительным водилой мешками с песком и гравием и с надписью «Колян» на борту свинцовыми белилами, лихо подкатил к бетонным надолбам уже обжитого десантниками блокпоста и с форсом, едва не с пробуксовкой колес затормозил. Невысокий, в грязной обтерханной форме без знаков различия человек с усталым и грязным лицом – соскочил с брони, одной рукой придерживая поджопник, а другой здоровенный бесформенный мешок, и моментально нырнул за ограждение, не подставляясь снайперу и не рискуя быть срезанным автоматной очередью с буйной, расположенной сразу за дорогой зеленки. Десантники – дюжие ребята, косая сажень в плечах, из пулемета навскидку только так, вованы еще не успели сменить, да и больно место стремное – опустили оружие и даже заулыбались. Бронетранспортер развернулся и начал сдавать задом в бетонный капонир.

– Старый где? – спросил человек, держа в одной руке мешок, а в другой сложенный в несколько раз отрез дорогого ковра, который он клал на броню БТРа каждый раз, как только собирался куда-то ехать. В невидимой иерархии, которая складывается всегда и везде, в любом мужском коллективе, выводы можно сделать из всего, надо только уметь смотреть.

Например, грязная, неухоженная форма – и дорогой ковер под задницу показывали, что человек перед вами не простой, устроиться умеет и даже на войне не пропадет. Или подчиненные о нем позаботились – что тоже неплохо. Значит, есть авторитет среди личного состава, есть...

– В камбузе, тащ майор, – ответил один из десантников, – с жраки пробу снимает.

Майор поддел ногой шуршащий пакет от «Ролтона», валяющийся тут, возле исклеванных пулями бетонных блоков, сложенных в человеческий рост. «Ролтон» был хорош тем, что стоил дешево, весил всего ничего, и его можно было просто погрызть всухомятку, если не было возможности развести костер. «Ролтоном» и сникерсами питались обе стороны на этой войне...

– Приберитесь, – коротко сказал он, – или не свинячьте.

– Есть!

Когда человек в форме без знаков различия пошел дальше, старший среди десантуры, двухметровый наголо бритый детина, молча двинул другого – молодого, в обязанности которого входило смотреть за порядком на блоке. Это был залет, и залет требовал немедленного наказания.

Человек в форме без знаков различия уверенно шел по бетонным лабиринтам восьмого контроля, стоящего на востоке Грозного на въезде в город. Это был его блокпост, его контроль. Он его строил в весенние дни девяносто пятого, угрозами, лестью, посулами, матом и трофеями вымогая до-

полнительные стройматериалы с давно пустивших все налево тыловигов. Он знал каждый его закоулок, каждую нору, каждую огневую точку, каждый капонир для бронетехники. Он его оборонял в провонявшем соляжкой и горелым мясом августе девяносто шестого – именно с востока входили основные силы боевиков, значительную часть блоков уже передали чеченским ментам, которые при виде боевиков либо разбежались, либо перешли на их сторону. А колонну тормозили между шестым и седьмым контролями, расстреливая со стороны завода, и он, отражая нападение одновременно со стороны зеленки, под огнем снайперов с пятиэтажек, видел, как останавливается, не дойдя пары сотен метров до них, одинокая бээмпэшка, как выскакивают и падают под градом пуль пацаны и как ведет огонь башенное орудие – до конца, до взрыва. А потом он передавал этот блокпост чеченскому уроду – двадцатилетнему сопляку в кожаной куртке, с жиденькой бороденкой и ножом а-ля Рэмбо на поясе. Это были совместные комендатуры, порождение безумного гения Александра Лебеда с его Хасавюртом, предавшего их как раз накануне победы, когда силы боевиков выдохлись, а объединенная колонна МВД и армии прорвалась в центральную часть города, деблокировав комплекс правительственных зданий. Тогда даже один из боевиков из отряда этого сосунка не выдержал – в горах не принято, чтобы сопляк хамил взрослому мужчине, – и двинул своего же кулаком в бок, хорошо так двинул. Но это ничего не изменило – и они

ушли отсюда со словами: Родина может быть не права, но она моя Родина. Потом он снова пришел сюда – уже старшим офицером, замом по разведке в городской комендатуре. И хотя дворец Дудаева снова был их, исписанный надписями, как Рейхстаг в сорок пятом, того ощущения победы не было. Было ощущение, что работа только начинается и он готов был ее делать...

Старого – или капитана Старикова Тимофея Павловича – он нашел не в камбузе. Заглянул туда, потянул носом – дым, мясо, баранина, барана где-то дернули, черти, лыбящийся солдат, поставленный следить за огромным чаном на огне, где варилось мясо и все, что удалось сегодня к нему достать, но самого Старого не было. На вопрос, где Старый, солдат неопределенно махнул рукой. Совсем распоясались...

Старого он нашел в восточной части контроля. Тот лежал на заботливо подложенной большой тряпке, которая когда-то была одеялом, и смотрел куда-то через небольшую щель в блоках. Смотрел внимательно, не отрываясь...

– Кэп... – позвал человек в форме и без знаков различия, – чего на земле лежишь? Так и цистит подхватишь на пару с геморроем.

Старый ничего не ответил...

Капитанское звание в армии бывает пяти подвидов: капитанчик, капитанишка, капитан, товарищ капитан и капитанище. Такого вы не найдете ни в одном уставе, но такое есть. Люди, которые носят погоны капитана, абсолютно разные.

Некоторые получили эти погоны, когда еще молоко на губах не обсохло, и уже считают, как бы им получить очередные, перескочив это несерьезное звание. Есть те, кто особыми талантами не блещет, но честно выслуживает это звание, как то, которое им больше всего и подходит. Есть, наконец, те, которым более высокого звания в этой жизни не выслужить по причине ершистого характера. Не умеет строить отношения – переводя с бюрократического языка на нормальный, это значит: режет правду-матку в глаза, в том числе начальству, может послать кого угодно и куда угодно и любит своих солдат больше своего непосредственного начальника. В российской армии такого не прощается. Таким либо просто возвращают документы на присвоение очередного звания, либо командование части не посылает, в зависимости от того, где означенный капитан умудрился начудить. Но иногда армии приходится и воевать, знаете ли, и вот тогда-то такие капитанищи и тянут на себе, на своих плечах всю планиду войны. Ибо понимают они в ней побольше, чем многие генералы, получившие зачастую свои звания, усердно вылизывая начальственные зады. Не все, конечно, но многие, многие. И вот такие капитанищи – они всегда оказываются в нужном месте на участке прорыва, всегда умудряются замкнуть кольцо окружения или прижать банду огнем, прежде чем в штабе сообразят, что делать, именно они при необходимости виртуозно саботируют многомудрые приказы штабов, спасая солдатские жизни и добавляя еще более нелестные характе-

ристики в свое личное дело... короче, они и ведут войну. Неторопливо, но неотвратно, размеренно вращают это кровавое колесо, воюя так, как крестьянин пашет поле – без надрыва, но и пока свое не сделает, не уйдет. Таким был капитан Стариков, которого он знал с прошлой войны – человек, которому майором светило стать разве что под самую выслугу...

– Что там? – спросил человек в форме без знаков различия, инстинктивно пригибаясь...

– Снайпер, с..а. По ночам с фэзэушки колотит, гад. Иногда с хрущевок работает. Опытный, гад, никак не поймает.

– Зацепил кого?

– Пока нет. Но не вылезти... сегодня днем отработал... едва Димыча не сделал.

Оба они знали, что это может означать. Если снайпер прицепился к местности, работает по одному и тому же блоку, по одной и той же точке – это, скорее всего, значит, что он местный. И скорее всего – не мужик. Баба или ребенок... может, пацан. Такого не выцепить почти никакой зачисткой, этот снайпер, наверное, не раз проходил днем через блокпост – на базар, искать родных, получить какую-никакую помощь в зональной комендатуре. Они знали, что в горах – в течение всех четырех лет, пока здесь не было русских, работали снайперские и не только снайперские школы, здесь вербовали наемников, дикие гуси слетались на запах поживы. В отличие от первой войны, где воевали только чечен-

цы, сейчас все больше попадались люди с других мест, даже из других стран. Грузины, дагестанцы, афганцы, турки, даже негры. Первая война изрядно повыбила чеченских мужиков, кто-то погиб, кто-то умер от ран – и на смену им пришли ваххабиты. Эти сражались уже не за землю, не за народ – плевать им было на землю и на народ, эти сражались за власть, за идею, за исламское будущее. В комендатуре человек в форме без знаков различия держал в кабинете едва ли не мешок разных удостоверений, от ДГБ, Департамента государственной безопасности Чеченской Республики Ичкерия до исламского комитета такого-то села, или вовсе – арабские битаки¹. Мужчины были мертвы, но оставались женщины и дети этой земли. И они мстили как умели. Ни один из мужиков, сидящих сейчас у бетонной стены в восточном углу восьмого контроля – ни тот, кто лежал у щели, напряженно смотря вдаль, ни тот, кто сидел рядом, прикрыв глаза, не сомневался в том, что здесь русский народ воюет против чеченского народа. Не армия против бандитов и террористов – а именно так: русский народ против чеченского народа. Это было бы плохо и, наверное, даже безнравственно, если бы не одно «но» – здесь и сейчас решалось, кто будет жить и владеть не Чечней, а гораздо большими землями – русский народ или чеченский народ. А тут при таких раскладах все соображения справедливости и гуманности лучше засунуть в...

Человек в форме без знаков различия ничего не спраши-

¹ Карточка, вид на жительство – замена паспорта в арабских странах.

вал – он просто сидел, прислонившись спиной к холодному бетону и закрыв глаза, пытался немного отдохнуть перед очередной бессонной ночью. А Старый, капитанище, который отвечал за жизни двух с лишним десятков пацанов на блоке, не отвечал. Он выслеживал снайпера, и ему было некогда отвечать.

Темнело. Темнело уже рано, наступила осень. Пока днем еще было тепло, но утром уже перетаптывались с места на место, стараясь согреться. Потом наступит глубокая осень. С деревьев опадут листья, лужи по утрам уже начнут покрываться ломким ледком – и боевики в горах закопают свои автоматы и пойдут пережидать зиму на зимних квартирах, в городах и селах. Молодые и не очень, с волчьими взглядами, мозолями на указательном пальце, сбитыми до синяков плечами. Потом придет зима – мерзкая, с раскисшими дорогами, холодными туманами и долгими ночами, в которые по эфиру не докричишься помощи, если чего. А потом придет весна, и деревья оденут листву – пойдет зеленка, и колесо провернется снова, липкое от русской и чеченской крови...

И все...

– Не... – решил Старый, – облом. Без толку.

Повернувшись на бок на своей грязной тряпке, он достал из пайковой пачки сигаретку, но курить не спешил. Просто мял в пальцах.

– Чего нового в мире делается? – спросил он.

– Вчера в Нью-Йорке два небоскреба самолеты таранили.

Оба рухнули.

Капитан покачал головой:

– Это как это?

– Да вот так! – почему-то раздраженно сказал человек в форме без знаков различия. – Совсем, смотрю, паутиной заросли на своем блоке. Радио не слушаете, что ли? Со вчерашнего дня об этом по ящику в каждом новостях долдонят.

– Не. Не слушаем. Аккумуляторов лишних нет, а дырчик² гонять ради одного радио... Да и шум лишний на хрен нужен, не заметишь, как подберутся. И чо теперь будет? Двухсотых много?

– Да хрен его знает. Говорят – тысячи две. Врут, наверное – такие махины, оба упали в самом центре города – наверное, двумя тысячами не обойдется. Еще на Пентагон самолет упал. Война, наверное, будет...

– Духи?

– Ну а кто же?

Примерно два года назад подобное уже происходило в Москве. Два дома были взорваны ночью в Москве, оба рухнули, погребя под собой всех жителей. Почерк один и тот же – снятая на первом этаже квартира, «Газель», полная мешков с «сахаром». Взрыв третьего дома удалось предотвратить. Через несколько дней машина, набитая взрывчаткой, рванула в Вологодонске...

– Да... чем дальше в лес, тем толще партизаны...

² Дизель-генератор.

– И не говори.

– Что наши?

– Повышенную объявили. Дрожат чего-то в штабе. С умными мордами...

– Это они могут...

Оба помолчали. Нью-Йорк был где-то далеко, даже не за океаном – на другой планете, в другой жизни. Нечто недостижимое. Не то, о чем мечтаешь, – просто то, чего в твоей жизни никогда не случится. Нью-Йорк там, с его чистыми улицами, роскошными магазинами, машинами и огромными небоскребами – а они здесь. Где разбитая гусеницами танков дорога таит в себе опасность на каждом метре, где зеленка в любой момент может огрызнуться огнем, где все настоящее – дым из трубы, побитые пулями блоки, теплая броня бэтээров, грязная лужа. Где живут и умирают не понарошку, здесь, сейчас – а не где-то там, на далекой американщине. И не могут сказать за что, но умирают.

– Короче. Дело есть. Можешь отказаться – это не приказ, в штабе он не проведен, а дело хреновое...

– Говори.

– Погоди. Что с пацанами? Зелень?

– Да есть. Но есть и хорошие хлопцы. Дельные.

– Штурмовую группу наберешь?

– А сколько надо?

– Человека три-четыре. Плюс я. На, глянь.

Человек в форме без знаков различия подвинул к капи-

тану большой, тяжелый мешок. Тот развязал его, глянул. Мелькнула вороненая сталь стволов.

– Два Вала³, два апэбэ. Гранаты «Заря». Оставишь все себе. Если живым вернусь.

– Если живыми вернемся, – поправил капитан.

– Ты охренел? Кто командовать будет?

– Митяя поставлю. Замка своего. Парень нормальный, справится.

Оба помолчали. Спорить было бесполезно, и они об этом знали.

– На кого выставляемся?

Человек в форме без знаков различия покачал головой.

– Выставляться не будем, смысла нет. Времени тоже нет. Завтра – в Чечен-Ауле будут конкретные люди. Очень конкретные. Мне назвали дом, где они будут, и время. Всего несколько часов – а если спугнут, то и меньше. Они выходят из Грозного, там их перехватят, и они пойдут в Грузию. Секешь?

– Пока нет.

³ Вал (АС) – бесшумный штурмовой автомат калибра 9*39, очень эффективный. АПБ – автоматический пистолет бесшумный, бесшумная модификация «стечкина», АПС. Гранаты «Заря» – спецсредства для разгона беспорядков и применения при штурме помещений – они не дают осколков, но дают ослепляющую вспышку и звук, равный по силе разрыву артиллерийского снаряда. Подарок царский – «Зари» армейцам вообще не положены, АС на описываемый период тоже было не достать, только по великому благу. Хотя у МВД все было, просто военные намного хуже снабжались. Сейчас ситуация выправилась, особенно в спецназе.

Человек в форме без знаков различия достал карточку.

– Вот этот урод. Он там шестерка, тузы другие. С ним еще несколько. Настоящие духи, с Афганистана, хрен знает еще откуда. Все по-взрослому.

На карточке были изображены несколько бородатых, они стояли на фоне зеленки, и еще за спиной угадывались кое-какие строения. Один из них поставил ногу на лежащего на земле человека – непонятно, мертвого или нет, но явно, что русского. Ему было смешно, он улыбался в густую бороду...

– Вот эти двое – арабы...

Капитан молча смотрел на фотографию. Он знал этого уroda – именно ему он передавал блок. Заматерел, гад...

– Ночью выдвигаемся?

– Ты ничего не понял. Завтра днем.

– А как же наблюдение? Разведка?

– Не будет никакого наблюдения. Разведки тоже не будет.

– Ты охренел?

Человек в форме без знаков различия сжал кулаки. Заговорил отрывисто и зло:

– Тебя не зае... о каждый раз пустышку тащить? Раз за разом одно и то же. Приезжаем – ни хрена. Постель еще теплая, жарчка на плите – и ничего. В штабе нашу же информацию душе сливают. За бабки.

– Погоди-ка... Так это... в штабе не знают, что ли?

– Дошло, наконец.

Капитан подумал. То, что ему предлагали, мало того что

было против устава и правил взаимодействия, это было еще и по-настоящему опасно. Действительно, реально – очень – очень опасно. Правилами ведения боевых действий предусмотрено составление плана операции, оповещение командиров подразделений в оперативной зоне – иначе не избежать стрельбы по своим, санкции от многомудрого командования. Без всего этого за самовольную операцию можно и погоны снять, и под трибунал пойти, если личный состав погибнет. А тут – на каждом шагу смерть.

Но с другой стороны: хорошо, сообщали, организовывали взаимодействие – и чего? Вон, у соседей – спецы выставились, предупредили всех, что работать будут в этом районе. Ночью какой-то козел, не разобравшись, из танка – шарах! Двое двухсотых, семеро трехсотых. И такое сплошь и рядом. Потери от дружественного огня, от огня своих тридцати процентов достигают. А погоны... да просто задолбало уже все.

– Конкретно. Чего хочешь?

– Место действия – Чечен-аул. Дом Хадуллаевых. Через твой блок транспорт идет, в том числе и оттуда. Как только появляется подходящая машина – водилу пакуем, оставляем здесь. Сами на трофейной машине идем в село, тихо делаем, и обратно. Все.

– Значит, превышение должностных полномочий, возможно мародерство...

– Давно таким законником стал?

– Да не. Просто рассуждаю.

– Чо-то много рассуждать стали. Делать надо.

Капитан, ставший на войне капитанищем, еще раз посмотрел на фотографию. Молодой чеченский волчонок, ставший волком, нагло улыбался ему, поставив ногу на грудь русского раба.

– Завтра, значит... – сказал капитан.

– У меня тряпье трофейное в бэтээре. Переодеться есть во что...

Прошлое

13 сентября 2001 года

Грозный, Чеченская Республика Ичкерия

Народ в Город⁴ по своим делам потянулся уже с утра...

Серые люди, в обмотках и рваной одежке – это, скорее всего, русские, не чеченцы. Многие отсиживались, когда шли бои, на своих огородных участках, многие и на чужих. Сейчас, когда война прокатилась паровым катком и ушла на восток, они каждый день шли в Город. Посмотреть, что осталось от жилья, уже начать разбирать завалы, получить какую-нибудь помощь. Никто из местных их не подвезет, не предложит руку помощи – помогают всегда своим. Кроме русских в таком положении и другие народы, кроме чеченского.

У чеченцев – своя история. Мужиков мало. В основном старики и горластые, напористые тетки. Кожаная куртка или плащ, черное платье, напористый голос, наглости на десятерых хватит. У этих – в основном есть машины. Какие-то угнанные, какие-то нет – поди проверь, это не Нью-Йорк с

⁴ Чеченцы так называют Грозный. Любой другой город называется названием, а Грозный – часто просто Город.

компьютером у каждого полисмена. Они везут в Город овощи, фрукты, немудреное турецкое и китайское тряпье на базар. Если хорошо поискать – то и наркоту, наркоманов тут после четырехлетней вольницы много, потому что пьянство Аллах запретил – вот про наркотики в Коране ничего не сказано. Конечно же несут они и сообщения в Город от лесных братьев, и деньги, и все, что нужно. Работа уже идет... ищутся подступы к нужным людям, предлагаются деньги, водка, женщины – благо вдов теперь хватает, а вдова по чеченским меркам – не человек. Чеченский народ не похож на русский. Он един, у него единая цель. Здесь мать не приедет забирать сыночка из джамаата, как бы плохо и неудачно ни воевал амир. Призывающего к миру глашатая – интеллигента при первом же выступлении прирежут и откажутся хоронить по обряду. Чеченский народ един, каждый чеченец, проходящий сейчас под дулами автоматов и пулеметов, приторно улыбающийся, предлагающий попробовать фрукты-овощи, открывающий багажник своего автомобиля, – часть единого, целого, неразъемного. Пацан притащит на дорогу мину или даст очередь по зазевавшимся солдатам, семья отправит вдову сына проституткой на блокпост, чтобы выведать у потерявших бдительность солдат систему его охраны, в любом доме укроют в подвале пришедших на ночлег и покормят последним боевиков. Все они – едины, все одним миром мазаны – и все отвечают за тех выродков, что резали глотки русским рабам и отправляли семьям пальцы похищенных,

чтобы быстрее собирали деньги. Вот только русские этого не понимают, русские меряют их своей меркой, и потому за то, что они собираются сделать, им грозит трибунал. Избиение, угон машины, превышение должностных полномочий.

Бронежилеты тянут вниз, к грязной земле. Пальцы на спусковых крючках. В бетонной башенке на укрепленной крыше блока – наводчик у АГС, кургузый ствол нацелен на зеленку. В бойнице, отслеживающей колонну машин, торчит ствол ПК. Еще один день на контроле – восемь – день на грани жизни и смерти...

– *Выйдите из машины...*

– *Откройте багажник...*

– *Где прописаны...*

Рано или поздно в багажнике какой-нибудь машины окажется фугас или граната, поставленная на растяжку. Но все равно надо открывать, надо смотреть. Это их работа...

– Документы...

– Вот...

– Где прописаны...

– Чечен-аул.

– Улица...

– Аргунская.

– Выйдите из машины.

Водитель недоволен, но из машины выходит. Типичный «мирный чеченец» – старая шляпа, синие спортивные трико «Динамо», резиновые сапоги, обтерханный, грязный пи-

джак.

– Откройте...

Машина – старый «рафик»⁵ переделанный под грузовой. Едва держится, но везет. Машины здесь эксплуатируют, пока окончательно не развалятся. Или пока в пропасть не улетят.

– Какие-то мешки...

– Что в мешках?

– Мука, дорогой.

Подходит офицер. Козыряет.

– Капитан Симонов, что происходит?

В руке чеченца появляется сиреневая пятисотенная купюра – богатство по чеченским меркам. Он быстро протягивает ее офицеру.

– Возьми, дорогой, клянусь Аллахом, нет больше...

Офицер – неприметный, среднего роста, в форме без знаков различия – нехорошо улыбается.

– Взятку предлагаете, гражданин?

Чеченец оскорблен до глубины души.

– А-а-а-а! Какой-такой взятка! Зачем говоришь – взятка! Уважение! Зелимхан торгует немножко, туда-сюда мука возит. Хлеб надо – надо? Лепешка надо – надо. Пирог надо –

⁵ Микроавтобус, выпускался в советские времена в Латвии на агрегатах «Волги». Сейчас почти полностью заменен более выносливой рамной «Газелью», но не везде. Автор видел такие машины в Дагестане в две тысячи десятом, причем они перевозили людей! Этим машинам было по меньшей мере лет тридцать – но Дагестан живет так бедно, что там не могут себе позволить даже старенькую, подержанную «Газель».

надо. Как бэз мука? Или мешок мука возьми, хлеб покушаешь, да...

Офицер раздосадованно качает головой:

– Вы знаете, что два дня назад в Нью-Йорке террористы два самолета на небоскребы направили? Оба рухнули. У нас усиленный режим, приказано всех тщательно проверять. Откуда я знаю, может, ты не муку, а гексоген везешь? Может, ты в город въедешь и как в Нью-Йорке машину на комендантуру направишь? А?

– А! Зачем Нью-Йорк, какой такой Нью-Йорк? Клянусь Аллахом, не мы сделали. Нэт никакой Нью-Йорк.

– Прошу отъехать в сторону для досмотра машины и личного досмотра. Вон туда!

– Вах, зачем отъехать, я тороплюсь, рынок торговать! Возьми мешок, проверь здесь!

– Всех проверяем, не вас одного...

– Как всэх?! Как всэх! Передо мной Али проехал, ему ничего, а Зелимхана можно, да?

Офицер перевел взгляд на солдата:

– Почему пропустили?

– Так с Дуба-Юрта был же... – необдуманно сказал солдат.

– А... – и возмутился Зелимхан, – вот что! С Дуба-Юрта можно, а с Чечен-аула нельзя, да! Я жалоба напишу! Что дубаюртовские тебе взятка дали, ты чеченаульских не пропускаешь, да...

Продолжая возмущаться, чеченец заехал туда, где не было

видно с дороги, для досмотра, уже представляя, как взгреет русистов своей жалобой. Русист был глупый – если чеченец никогда не накажет чеченца по жалобе неверного, русиста-то русист с радостью покусает, дай только повод. Вот почему русисты слабые такие, глупые и слабые. Рано или поздно русистов не будет – а они, чеченцы, будут. Вся земля им принадлежать будет...

С этими мыслями Зелимхан и получил мешочком с песком по башке. Десантники связали ему руки, быстро с рук на руки передали несколько мешков – то ли с мукой, то ли еще с чем – и сели в машину вшестером...

Шестеро – четверо в штурмовой группе и двое в подгруппе обеспечения. В штурмовой группе два АПБ и два АС – это не считая штатного оружия. В подгруппе обеспечения – пулеметы РПК и ПКМ, плюс на каждом – по две «мухи», итого двенадцать выстрелов. У каждого – бронежилеты, у штурмовиков – по две «Зари». Этих гранат мало, почти не достать, а армии тем более не полагается. Из остального – только отрезки парашютных строп, чтобы руки вязать, по фляжке с водой, несколько сухарей, по два ИПП, две аптечки на группу. Даже с учетом того, что совсем почти не взяли ни жратвы, ни воды – все равно вес на пределе. Но плевать – им не по горам бегать. Им или грудь в крестах, или голова в кустах...

Минут через десять груженный «рафик» выезжает из-за блока и устремляется в обратную сторону. От города...

Чечен-аул – небольшой населенный пункт почти рядом с городом, в стороне от дороги на Старые Атаги и дальше. Район – хуже не придумаешь, сплошная зеленка. Рядом с селом протекает грязный, ветвящийся тут на множество рукавов Аргун, рядом с селом – считай что болото. Поста внутренних войск тут нет – только комендатура в селе, которая даже днем ничего не контролирует. Зеленка, одноэтажная застройка – контролировать тут что-либо вообще невозможно. На въезде – пробитый пулями знак.

Конечно же, боевики в селе были, причем было их достаточно. За время с первой по вторую чеченскую укрытий нарыли достаточно. Раньше в чеченском доме вообще не был предусмотрен подвал, теперь в подвале догадались содержать рабов – а так как рабы были у всех, то и подвалы теперь были у всех. Жили люди подработкой, торговали на базаре в городе. Женщин в селе было примерно вдвое больше, чем мужчин...

Конечно же боевики не стали рисковать и поставили наблюдательный пункт. В армии наблюдательный пункт представлял бы собой машину, или бронетранспортер, или огневую точку на господствующей над местностью высоте, или, по крайней мере, пару решительных и умеющих маскироваться людей со стереотрубой. Здесь наблюдательный пункт представлял собой группу пацанов, у одного из которых была рация, недорогая «Алинко». Такие пацаны были по всей Чечне, они были горды тем, что им доверяют мужское дело,

доверяют настоящее, взрослое дело – войну с русистами, и каждый из них мечтал о том времени, когда он станет достаточно взрослым и сможет воевать с русистами с автоматом в руках. В зеленку здесь уходили даже как-то буднично, как в других местах уезжают в райцентр по делам. Группа эта была не единственной, со стороны реки тоже велось наблюдение – недалеко была Ханкала, и все знали об этом.

Когда стрелки на дешевых советских часах еще не встали по стойке «смирно», со стороны города в направлении села свернул и покатился микроавтобус, принадлежащий дяде Зелимхану. У дяди Зелимхана дети были в Москве, а не в банде, это не добавляло ему уважения, но он был из сильного тейпа, всегда платил закят на джихад и был чеченцем, а не проклятым русистом, которые приезжают на бронетранспортерах. Именно поэтому ни один из пацанов не сорвался, не побежал, не закричал – и машина проехала мимо, ковыляя по разбитой дороге в сторону цели...

– Подъезжаем... – процедил сквозь зубы человек в военной форме без знаков различия, сидевший на переднем сиденье. Форма так и оставалась на нем – но теперь к ней добавилась черная шапочка, которая легко раскатывается в маску, и борода. Борода была накладной – единственная накладная борода, которая у них была. Сидевший за рулем Старый щеголял аккуратными офицерскими усами – в Чечне их носили многие, подражая погибшему под бомбами Дудаеву.

У него, как у революционного матроса, поверх формы крест-накрест была повязана пулеметная лента, такая же черная шапочка прикрывала волосы...

– Внимание!

Машина ковыляла по разбитой, много лет не ремонтировавшейся сельской дороге из плит. Мимо – зеленка, давно разбитая колхозная заправочная станция – колхоза больше не было, емкости были на вес золота, они нужны были для самопальных скважин и самоваров⁶. Мелькнула ярко-синяя ветровка – пацан! Ребенок, наверное, попросили поиграть здесь и посмотреть, не поедут ли злые дяди на бэтэрах.

Стуканет.

– Лис? – вопросительно.

– В эфире чисто.

Их единственная разведка, единственная система раннего предупреждения – трофейный «Кенвуд» со сканером, постоянно гоняемый по частотам, на которых любят потрепаться боевики. Если про их замысел узнают – в эфире сущее бешенство поднимется, и у них будет шанс унести ноги. Боевиков переоценивать тоже не следует – бардака у них хватает, и шанс выскочить из петли имеется...

– Пост справа, – говорит водитель.

⁶ В Чечне в некоторых местах нефть находится у самой поверхности. Самовар – примитивная установка для получения прямогонного бензина с октановым числом примерно 60. С помощью присадок его поднимали до 72 и даже до 80. Учитывая бедность Кавказа, во времена оные прямогонного бензина продавалось больше, чем нормального.

– Жми...

У въезда в село, у самодельного КП, представляющего собой неизвестно каким ветром занесенную гаишную будку-стакан, стоит старый ментовский «уазик». Мент, держащий свой автомат за спиной, вальяжно поднимает руку. Автомат за спиной – важный признак, он показывает, что людей из леса этот мент не боится, те, кто боятся – ведет себя по-другому. Здесь вообще не в чести верность, долгие годы войны, разборок, крови отучили людей от верности чему-либо. Ведь верность – это не более чем привычка класть все яйца в одну корзину, дурная привычка, это вам скажет любой здравомыслящий человек. Вот и этот мент – типичный пример чеченского мента, идти в боевики смелости не хватило, но он живет на этой же земле, в этом же народе, и чтобы оставаться в живых, служит двум хозяевам, дует в обе стороны. Одновременно с этим он ненавидит собственный народ за этот страх и молчаливое осуждение – и если русские все же победят, он еще отыграется, он отомстит своим односельчанам. Но еще не время для мести. И потому если остановиться, он обязательно стуканет по рации тем, кто сейчас в селе, о том, что пожаловали гости. А если пристрелить его, то это будет поводом для уголовного расследования при любом окончании операции.

– Жми.

– Тормозит.

– Жми!

Мент явно ничего такого не имеет в виду – он просто хочет взять дань. У него форма, автомат и красная книжка – это повод брать дань, а не охранять здесь закон. Зелимхан был на базаре, Зелимхан наторговал – Зелимхан должен поделиться...

Шлагбаума нет – спасение. Просто не успели поставить. «Рафик» пробегает мимо, обрызгав стоящего мента грязью из лужи – тот ошалело смотрит ему вслед, но ничего не предпринимает. Возможно, увидел чужих людей за рулем, но решил не связываться. Возможно, сделал себе заметку разобратся позже – Зелимхан все равно из села никуда не денется.

Чечен-аул! Грязная дорога, закутанные в черное женщины на улице. Сидящие у какого-то дома, исполненные собственного достоинства старики – наверное, годекан. Летящие из-под колес куры, брызгающая в стороны грязь. Старорежимные золотые шары грустно глядят на улицу из палисадника из-за сетки-рабицы...

– Куда?

– Направо. Давай.

«Рафик» поворачивает. Двигатель чихает, он явно не привык к такому обращению, но плевать. Им главное сейчас скорость, сделать все, прежде чем поймут.

Как и говорил информатор, крашенные ярко-синим, новенькие железные ворота – богатый дом! Приветом из старого, давно погибшего под пулями мира – согнутый из сталь-

ного прутка улыбающийся Мишка под пятью сплетенными кольцами. Олимпиада-80...

– Справа. Синие ворота.

– Есть...

«Рафик» включает фары – горит только одна, но плевать. Скошенный нос микроавтобуса почти упирается в ворота, нервно гудит клаксон...

– Приготовиться, – бросает офицер на переднем сиденье.

– Приготовиться! – бойцы снимают оружие с предохранителей.

Несмотря на то что машина чужая, двери начинают открываться. Здесь привыкли доверять людям, здесь вообще очень дружелюбно относятся к людям – вот только людьми здесь считают далеко не всех...

Молодой, лет восемнадцати пацан открывает ворота. Треники, безрукавка из вывернутой мехом наружу бараньей шкуры, тапочки... В руке окровавленный нож – резал скотину или кур. Сегодня в доме гости – мужчины. Много мужчин. Надо много мяса.

Сидящий за рулем Старый посылает машину вперед, прежде чем пацан успевает сообразить, что к чему. Тупой нос микроавтобуса погребает его под собой, отбрасывает воротину. Машина врывается в просторный, покатый двор...

– Пошли!

Открытая дверь – шаг наружу, в смертельно опасный мир. В углу двора еще один пацан, совсем ребенок – выпускает из

рук обезглавленного, трепыхающегося, брызгающего кровью петуха. Рот распялен в предупреждающем крике – русисты! Русские!

Две пули отбрасывают пацана назад, штурмовая группа выскакивает из теснины машины. Стрелок с АПБ идет первым, с пистолетом гораздо проще управляться в тесноте коридоров и комнат, пистолет позволяет обходиться с ним одной рукой. Первый номер бежит, чуть пригнувшись, второй сопровождает его, прикрывая более мощным АС. Светошумовых у первого номера по три, у второго – по одной. Точно так же распределены и другие имеющиеся гранаты – в бое в помещении, в городе у кого больше гранат, тот и прав.

– Бойся!

Белые – чтобы не спутали с боевой – ребристые, похожие на мячики для разработки пальцев гранаты летят в окна. Ослепительные проблески, глухой грохот взрывов, летят стекла. В замкнутом помещении это еще более впечатляюще – до разрыва барабанных перепонок...

– А, шайтан!!! – исполненный муки и ярости крик.

Девятимиллиметровая пуля выносит косяк.

– Вперед!

Пинок по двери, темный коридор, скользкий линолеум, чувяки под ногами. Много – в доме много народа. Какие-то крики – воют и визжат напуганные женщины, они пока дезориентированы. И хорошо, что так – успокоятся и так попрут...

Дверь. Из веранды идет в комнаты. Фигурная, со стеклянными вставками. Звенит стекло, внутрь летит еще одна «Заря»...

– Ай... граната!!!

Новый взрыв – теперь достается уже штурмовикам.

Пинок в дверь – пошли!

Большая комната. Глушенные как тараканы боевики – ковер на полу, на ковре блюдо с мясом, с которого надо есть руками, автоматы в рядок у стены. Это не амиры, это их охрана – душень непуганое, совсем обнаглели за пять лет свободы. АПБ упруго толкается в руку, на обои в цветочек брызгает кровь. Жалеть никого не надо – если что, за эти пять лет они никого не жалели, ни рабов, ни украденных. Так что все справедливо. Тот, кто живет по законам беспредела, должен быть всегда готов к тому, что и с ним поступят по законам беспредела...

Боевики упокаиваются один за другим. Заполосные голоса...

Дальше, дальше...

Чеченские дома разделены на мужскую и женскую половину – правда, не так, как в арабских странах, потому что в арабских странах дома изначально строятся так, а здесь приходилось перестраивать, потому что при советской власти так было не принято. Омерзительные бамбуковые занавески – шуршат, стучат, ничего не видно – а пуля сквозь них только так летит...

Еще боевики. Гремит выстрел – то ли ПМ, то ли АПС, пуля проходит мимо, бьет по потолку, летят щепки. Ответный огонь повергает и этого боевика на пол. Стрельба ведется с глушителем, поэтому ничего не слышно, и боевики пока не опомнились, не могут понять, что происходит. Может, думают, что бомбежка началась. Если бы была шумная, обычная стрельба – пришли бы в себя очень быстро.

Автоматная очередь – из коридора, ее глушит пулеметная очередь извне дома. Ага, тараканы начинают разбегаться...

– Бойся!

Еще одна «Заря» летит за угол. Оглушительный грохот...

– Аллах Акбар! – истерический визг.

Плескучий взрыв гранаты. На сей раз настоящей...

– Пошел!

Комната – разорванная осколками, дым, занимающаяся пламенем занавеска. Оплывающие кровью, израненные бордачи – какой-то ублюдок то ли не справился с гранатой, от шока выпустил ее под ноги, то ли сознательно бросил ее под ноги, чтобы погибнуть, но только не попасть в руки русистам.

– Держать!

Одна группа остается в комнате, вторая идет дальше. Коридор...

– А-а-а-а...

Пуля Вала отбрасывает назад старую, одетую во все черное женщину, бросившуюся на них с ножом. Та падает, но

не умирает и продолжает хрипло выть на полу.

– Бойся!

Новый взрыв «Зари». Крики, визг, надрывный плач ребенка...

– Пошел!

Двери нет, вместо нее занавеска из какого-то материала. Слепо шарящие руки... заходящийся в крике ребенок, лежащий на полу бородач, в ужасе закрывшийся руками...

– Ништ фаери! Ништ фаери, шурави!⁷ Ништ фаери!

Душок, с..а. Мало ему Афгана было – еще и сюда приполз, гнида. Поставить бы ногу на эту бородастую башку – и раздавить. Но нельзя...

– Пакуем!

– Аллах! Аллах! Аллах! – причитает одна из женщин.

Сильный пинок повергает ее на пол, ствол автомата отслеживает все движения – у любой может быть пистолет или граната, тут даже дети воюют.

– Заткнись, дура. Мы сейчас для тебя Аллах...

– Тайфун, Тайфун⁸, это Спринтер! Тайфун, Тайфун – это Спринтер, ответь...

Как всегда – какая-то хрень, шум и ничего больше. Ну почему бы не наладить порядок со связью, а?

⁷ Не стреляй! Не стреляй, советский!

⁸ Тайфун – подлинный позывной дежурного РОШ в Ханкале. Спринтер – позывной выдуманный.

– Тайфун, это Спринтер, ответь немедленно...

Бормотание рации – заглушил рокот ПКМ, поставленного на крыше захваченного дома – идеальный обстрел во все стороны, крыша очень плоская, словно под это спецом и рассчитанная. Пулеметчик ударил длинной очередью по перебегавшим от дома к дому боевикам, молнии трассеров ударили по человеческим фигуркам, разметаю их в стороны. Двое остались лежать...

– Ты кто такой?! – заорали с другой стороны улицы. – Выйди, поговорим, да?!

Чеченцы до сих пор не могли поверить, что дом захватили русские. Слишком это нетипично, непривычно для русских – одна трофейная машина, никакой группы прикрытия, никаких вертолетов, никаких бронетранспортеров – ничего. Всего несколько человек, к тому же мент на въезде в село сказал, что ехали муджахеддины, не русские. Сопротивление в Чечне делится на идейных и простых боевиков, которые больше преступники, чем идейные воины, и всегда готовы вцепиться друг другу в глотку по любому реальному или выдуманному поводу. Поводом к нападению могло послужить все, что угодно – стадо скота угнали, дедушка дедушку зарезал, деньги не поделили. Но в доме кроме хозяина, против которого, несомненно, и направлена эта месть, есть еще и муджахеддины, и очень важные люди. И отвечает за них – не хозяин – а все село, вся умма. Если с ними что-то случится, претензии будут предъявлять всему селу. А это будет даже

не русский фильтр, это намного круче...

Именно поэтому по дому не стреляли. Пытались понять, кто это, разругать непонятку. В Чечне по своим надо стрелять очень осторожно, того и гляди, наживешь себе кровников. Без проблем можно стрелять только по русским.

– Ха д’е т’ьен!⁹ – проорал пулеметчик изо всех сил.

– Зачем так говоришь! Извиняться будэш! Ты нэ амир, гдэ твой амир, пусть выйдет!

– У нас заложники! – заорал пулеметчик по-русски. – Только подойдите, всех кончим! Всех завалим!

– Нехорошо делаешь! Ты какого тейпа?! Зачем сюда пришел?! Ноъхчо ву?!

– Не твое дело! Ас х’ъа нан динна! Дошло?!

В доме, куда перетаскили всех, готовясь к обороне, – дом был хороший, стены в три кирпича, как маленький замок, – офицер в форме без знаков различия на минутку оторвался от рации. Передохнуть, воды хлебнуть – в глотке совсем пересохло. Поймал на себе взгляд пацана, которого подстрелили около зарезанных животных, – тот оказался ранен на удивление несильно. Связанный куском парашютной стропы пацан – мускулистый, крепкий, как и все чеченцы, в четырнадцать лет крепче, чем призывники в матушке Руси, – лежал на боку и смотрел на русиста. И в его взгляде не было ничего, кроме пустоты. Так смотрели индейцы на американских поселенцев во время колонизации континента – они да-

⁹ Чеченский посыл на три буквы.

же не говорили ничего, они просто молча смотрели. А потом начинали убивать.

Смотришь... ну-ну, смотри, смотри. То ли спортсменом станешь – вон какой крепкий, то ли боевиком.

Офицер снова включил рацию.

– Тайфун, это Спринтер, ответь...

– Спринтер, это Тайфун... – донеслось через шум помех, – слышу тебя плохо, прием.

– Тайфун, это Спринтер, не уходи с частоты! – встрепенулся офицер. – Работаю по духовской связи, свою потерял! Блокирован в населенном пункте Чечен-аул, в частном секторе, без брони. До сотни духов, автоматическое оружие и РПГ, как понял. Пока удерживаю позицию в частном доме, нужна бронегруппа, и как можно быстрее. Нужна срочная, конкретная помощь – хотя бы поднимите воздух, сделайте пару проходов над селом. Свое местоположение обозначу дымом. Тайфун, как понял, я Спринтер, прием...

Недалекое прошлое Лето 2014 года Черное море, российская исключительная экономическая зона

Эта платформа появилась здесь всего лишь два месяца назад. Само ее появление было сюрпризом для многих сторон: в частности, Турция, имеющая большие возможности по регулированию судоходства через проливы, прикладывая экстраординарные усилия, чтобы она здесь не появилась. Все дело в том, что сама Турция имеет на регион Черного моря очень большие виды, как и Италия, она мечтает о *mare nostrum*, нашем море, и делает все для этого, пока тихо и незаметно, но настойчиво, неторопливо и эффективно. Краеугольным камнем причерноморской политики Турции является представление этого места как чего-то бесполезного в геополитическом плане и совсем неценного в плане ресурсном (а как думаете – просто так появляются идеи России самой уйти с Кавказа?). Поэтому для Турции было крайне невыгодно появление в Черном море современной разведочной платформы, и она закрыла для нее доступ через проливы, балансируя на самой грани допустимого. Но русские не

были бы русскими, если бы не нашли обходной путь... русские вообще великие мастера на это. Давним путем «из варяг в греки», русской речной системой, каналами, созданными еще при СССР, разобрannую на несколько частей разведочную платформу протащили из северных морей до моря Черного. Здесь же, у новой базы военного флота в Новороссийске, ее собрали и начали бурить. Ситуация вокруг этой платформы была столь напряженной, что неподалеку, на водной глади виден был строгий силуэт малого артиллерийского корабля, а рядом с самой платформой – постоянно дежурила как минимум одна лодка RHIB с жестким днищем. На лодке были боевые пловцы.

Разведочная платформа принадлежала американской геолого-разведочной компании, нанятой русскими, и главным на разведочной платформе был американец по имени Стив Фрисборо. Коренастый уроженец Техаса, истинный американец, он был из той породы людей, которые и позволили Америке стать первой супердержавой мира. Упертый, готовый работать с утра до ночи, почти фанатично влюбленный в свою профессию, он бурил разведочные скважины в Мексиканском заливе, у венесуэльского и бразильского побережья, на Дальнем Востоке. Черное море было очередным вызовом его мастерству, вызовом, который он просто не мог не принять...

Дело в том, что офшорное бурение на Черном море не такое простое дело, каким оно может показаться. Потенци-

ал здесь, безусловно, есть, в конце концов, на Каспии нашли немало нефти и газа. Еще одним плюсом является наличие мощной трубопроводной инфраструктуры практически в «шаговой» доступности, наличие нефтеналивных портов и всего прочего, необходимого для переработки и отгрузки нефти. Плюсом являлось и то, что Черное море – теплое море, здесь нет таких жутких условий, как в Арктике, которую Стив еще надеялся разбурить. Но есть один, один огромный минус, который перечеркивал все прочие плюсы.

Сероводород.

Черное море – море уникальное в том смысле, что вся его подводная часть, от ста до трехсот метров вглубь в разных зонах – насыщена сероводородом, причем его количество в воде доходит до девяноста процентов. Среда эта предельно агрессивная, достаточно сказать, что любой кусок металла на веревке, погруженный в сероводородную зону, возвращается назад черным от сульфитов – продуктов реакции сероводорода с металлом. Никакие обычные материалы, применяемые при бурении, такой среды выдержать не могут.

Хуже того. Как показали последние исследования, в Черном море... точнее, под Черным морем, у самого дна, есть сероводородные карманы. Удивительно, но под огромной толщей воды скрываются каверны, наполненные газом, спрессованным под огромным давлением. Чистым газом, без воды. Только давление воды удерживает газ от того, чтобы вырваться наружу, и никто не знает, сколько всего этого газа

там находится. Попытка бурить в неподходящем месте может привести вот к чему: газ, найдя выход в виде буровой трубы, рванется вверх и на воздухе, скорее всего, воспламенится. Взрыв может быть разной силы, но в худшем случае он может быть равен по силе взрыву тактической атомной бомбы. Плохо будет, и если он не воспламенится – сероводород является ядом, и если такое облако накроет, к примеру, Сочи, могут погибнуть десятки тысяч людей. Ко всему прочему сероводородные каверны под водой еще и нестабильны, то есть перемещаются с места на место. Есть теория о том, что резкое вымирание живых существ (динозавров) в Пермском периоде связано с серией подводных землетрясений в таких местах, как Черное море, и выделением огромных объемов ядовитого сероводорода в атмосферу.

По всем этим причинам никто и никогда не пытался серьезно бурить в Черном море. Слишком опасно.

Все изменилось несколько месяцев назад. Именно тогда международная группа ученых представила проект бурения в Черном море, основанный на принципиально новых технологиях. Он состоял из технологии безопасной нейтрализации сероводородной среды и ограждения от блуждающих по дну газовых карманов – и буровом оборудовании с нанопокрытием, с контролируемой кристаллической решеткой. Сделанные из такого материала трубы не вступали в реакцию с сероводородом и не покрывались сульфитами.

Стив Фрисборо знал о возможной опасности – например

о том, что в случае резкого выброса сероводорода они могут просто не проснуться... конечно, у них были баллоны с кислородом и защитные костюмы, но при внезапном выбросе можно было и не успеть. Но это был вызов. Слава «того самого парня, который разбурил Черное море у русских», была, конечно, не такой, как слава «парня, который снял кассу на нью-йоркской бирже со своей социальной сетью». Но другой славы Стиву было и не надо. Именно поэтому он в шортах и тапочках сидел на пустой сейчас вертолетной площадке и смотрел, как вращаемая мощными дизелями буровая колонна вгрызается в поверхность матушки Земли, подобно комару, который для продолжения рода своего должен был напиться человеческой крови.

– Стив! – вдруг позвал его Ник, оператор буровой колонны, русский из Украины, который был еще зеленоват, чтобы самостоятельно проводить бурение. – Глянь-ка! Что-то не то!

– Что именно? – крикнул в ответ Стив.

– Резко увеличилась скорость проходки!

Фрисборо взглянул на превенторы – стальные клещи, которые должны были перехватить трубу в момент угрожающего скачка давления – и, сунув ноги в тапки, бросился к пульту. Но прежде чем он добежал – кто-то что-то закричал... и вдруг прямо в небо, в ослепительно-синее русское небо с силой ударил фонтан живительной черной влаги.

Это была нефть. Черноморская нефть...

Примерно через два месяца геологические издания сообщили об открытом в Черном море на русском шельфе новом месторождении нефти. Из пятнадцати пробуренных скважин одиннадцать дали нефть, причем нефть легкую, ценную. Месторождение по самым осторожным оценкам (было непонятно, как проводить оценку запасов из-за сероводорода, стандартные методы не годились) относилось к категории гигантских. В то же время многие аналитики полагали, что месторождение является сверхгигантским, а наиболее оптимистично настроенные заявляли, что это не последняя находка и Черное море может стать Персидским заливом двадцать первого века.

Основную выгоду от разбуривания Черного моря должны были получить три страны. Украина, Россия и Грузия.

Наши дни

11 мая 2015 года

Сочи

В принципе – на этой улице по меркам Кавказа ничего особенного не происходило. Возможно, это было чем-то особенным для жителей сонных городов центра Русни, расстояние до которых изменяется временем на электричке до Москвы – но по меркам Кавказа ничего особенного не происходило. Так, обычное дело. Подумаешь, бронетранспортеры на улицах...

Новшество было в том, что все это происходило не в Махачкале, народной молвою переименованной в Шамилькалу, и не в Грозном, он же Джохар-Галлы, а в Сочи. Элитном, отстроенном как витрина к Олимпиаде-2014, лоснящемся Сочи.

Все началось достаточно буднично, примерно так, как это и бывает. Я мог бы рассказать про героическую работу внедренных агентов, или про спецоперацию в горах, в ходе которой наш героический спецназ захватил списки бандподполья в русских городах – но все было куда проще. Девяносто процентов реализаций – а именно так называют операции по ликвидации ячеек бандподполья – начинаются с чистой случайности. Как и эта.

Ночью с одной из стоянок угнали автомобиль, был объявлен план «Перехват». В ходе его реализации экипажем ППС была остановлена точно такая же машина – серебристого цвета «Форд Фокус». В машине двое, мужчина и женщина, у мужчины прописка местная, у женщины саратовская. Полицейские уже хотели завершить проверку и отпустить водителя с миром, когда что-то пошло не так. Водитель выхватил пистолет и дважды выстрелил в одного из сотрудников полиции, а затем рванул с места, сбив другого.

Вероятно, им удалось бы уйти – раньше в таких случаях уходили, и не раз. Но это был Сочи и над ним – висели, осуществляя контроль дорожного движения и общей обстановки в городе, беспилотные летательные аппараты, произведенные фирмой «Зала» в Ижевске. Один из аппаратов засек движение «Форда» и проследил его до одного из новых районов в окрестностях. Преступники, не подозревая, что с воздуха за ними ведется слежка, направились прямо на свою лежку, заранее снятую для своих целей. Через пятнадцать минут там их блокировал ОМОН. Со времен Олимпиады в Сочи была отлично налажена система антитеррористических мероприятий, сейчас, без постоянного пригляда из центра, она немного разболталась, но основные ее звенья по-прежнему работали. Так что с лежки, расположенной в одном из новых, построенных совсем недавно монолитных домов террористы уйти не успели.

Сейчас – с соседних домов мирняк уже вывели, снайперы

заняли позиции на крышах, полицейские машины и бронетранспортеры встали на вероятных участках прорыва. Переговоры велись – но так, ни шатко ни валко. Расклад понимали все – заложников у тех, кто был в квартире, не было, а это значило, что и говорить не о чем. Смертную казнь за террористические акты отменили в связи с гуманизацией, поэтому брать живыми ваххабитских выродков никто не собирался. Бойцы из краснодарского управления А уже подъехали, их командир обсуждал с местными план операции, в то время как усталый полковник-переговорщик по сотовому нудно уговаривал забаррикадировавшихся в квартире сдать. В стороне, прикрытые сверкающим зелеными зеркальными панелями зданием офиса Сбербанка, стояла кучка представительских машин, около нее переминались шоферы, и кто-то из начальников рубил правду-матку в телефон, резко отмахивая рукой. Еще дальше периметр ошетинился стеклянными глазами телевизионных камер...

Времени до темноты оставалось немного – и штурм нужно было ждать в течение часа...

– Извините...

Озверевший от постоянных попыток журналистов поднырнуть под спешно натянутую ленту пэпээсник, громоздко-неуклюжий в своем старого образца армейском бронежилете (новые после Олимпиады сдали на склад, а то как бы не износились), подозрительно посмотрел на девушку. Он уже

привык к тому, что население ненавидит полицию, – и потому к доброму слову отнесся с подозрением.

– Нельзя, девушка, нельзя. Нельзя.

Мельком он заметил, что девушка красивая. Хотя молодые все красивые, только по-своему. Девушка была одета так, как обычно одеваются на юге – легкий сарафанчик, открытые босоножки. Черные волосы собраны сзади и заколоты в хвост. Русская – полицейский готов был в этом поклясться. Он родился и вырос здесь, мотался в командировки, много чего повидал – и отличить русского от нерусского мог мгновенно. Первые были свои. Вторые представляли угрозу, даже если дружелюбно улыбались.

– Мне бы только вещи забрать... – затараторила девушка, не пытаясь, впрочем, пролезть без разрешения.

– Нельзя, девушка, вот оцепление снимем, и все заберете. Там могут стрелять начать.

– Но у меня поезд!

Девушка посмотрела прямо в глаза полицейскому.

– Пожалуйста. Я только заберу, и все, у меня уже почти все собрано...

Полицейский мысленно выматерился про себя. Как и почти все честные полицейские, он чувствовал себя не в своей тарелке от того, что полицию в стране никто не любил, и он был в глазах людей чуть не оккупантом. Он ни за что не пропустил бы эту телку, будь она хоть немного похожа на чеченку, поскольку чеченцы – другой народ, причем враждебный.

Но эта телка явно русская, и получается, что он и в самом деле ведет себя как оккупант.

Он хлопнул по плечу стоящего рядом коллегу, чтобы тот был повнимательнее, пока он отвлечется, достал рацию. В голове вертелись позывные... Удар десять – это, по-моему, позывные штаба, а его начальство... да, Витязь.

– Витязь, Витязь, на связь...

– Витязь на связи, что там...

– Тащ капитан, Маклаков, со второго. Здесь женщина. Вещи надо забрать из квартиры, на поезд опаздывает...

Секундное молчание.

– Сейчас подойду. Витязь – отбой...

Сил для штурма было уже более чем достаточно. Прибыла группа из управления А Краснодарского ЦСН ФСБ и ОСН Акула Краснодарского УФСИН. Управление А было по-любому козырнее, достаточно сказать, что они не раз обходили московских коллег в спецсоревнованиях, и в их рядах служил победитель чемпионата мира по снайпингу¹⁰. Но штатный командир боевой группы альфовцев, полковник Акчурин лежал в больнице с тяжелой контузией, которую он получил в Дагестане. И потому лидерство сумели захватить Акулы, оттеснив маститых коллег на позиции обеспечивающих.

¹⁰ Он и в самом деле так называется, хотя таковым не является. Проходит он обычно в Восточной Европе и скорее является чемпионатом евроазиатского континента. Американцы, законодатели моды в снайпинге, там почти не представлены.

В этом был резон – в отличие от коллег из А – бойцы Акулы куда лучше натренированы на захват помещений с бандитами, при наличии заложников или без. Специфика работы тюремного спецназа такова.

План был простым как три рубля – атака с двух направлений. Три бойца с тремя страхующими поднялись на шестнадцатый этаж, прицепились тросами – фээсбэшники, кстати, не уиновцы, там альпинисты лучше. По сигналу – они спустятся до нужного, десятого этажа, разобьют окна, забросят внутрь каждый по «Заре», после чего будут действовать по обстановке. Вторая группа, состоящая из десяти бойцов Акулы, которую вел сам майор Денисов, командир Акулы, взорвет дверь и проникнет в помещение с лестничной клетки. Понимания того, как действовать, на поражение или попытаться взять кого-то живым, не было, майор решил идти вторым, сразу за гаврилой¹¹. Помимо автомата СР-3М «Вихрь» майор располагал полицейским вариантом «Осы», заряженным более мощными, чем в гражданском варианте, патронами с резиновой пулей. «Оса» располагалась в кобуре на бедре, выхватить и выстрелить – секунда...

Хреново было то, что плана самой квартиры как такового не было. Дом сдавали без внутренней отделки и даже без внутренних перекрытий – новомодный такой монолитный дом из серии «сделай сам». Купившие здесь квартиру нанимали бригаду таджиков или узбеков и делали квартиру под

¹¹ Гаврила – боец со щитом, вооружен обычно АПС (*проф. сленг*).

себя, в том числе ставили перегородки как им надо. Мало того что каждая квартира отличалась по расположению этих перегородок от другой, так еще и перегородки из гипсокартона и тому подобной хрени можно пальцем проткнуть, не то что пулей...

А идти, не зная точного расположения перегородок, – хреновое дело...

Майор достал рацию. Проще было бы по сотовому позвонить, но сотовые в районе все отрубили. Не раз и не два было, что сообщники террористов, затесавшись в толпу, сообщали бандитам по сотовым обо всем происходящем.

– Удар десять, Удар десять, я Акула, прием.

– Акула, я Удар десять, на связи.

– Удар десять, хозяина квартиры привезли?

– Акула, никак нет. Хозяина найти не можем. Акула, доложи готовность.

Майор выругался про себя.

– Пять минут.

– Добро, отбой.

Гражданский бардак, однако. Хотя не только гражданский. В крайнюю командировку пил с соседями, они порассказали. Подавляли бунт в Новочеркасске, так там воры три перегородки между камерами сломали, сделали камеру люкс для людей. С кроватями, с теликами, с холодильниками. У ограды каждый вечер микрашка с б... дежурила, на случай если ворью женской ласки захочется. Потом разборка ка-

кая-то между ними вышла, кому-то на волю захотелось, они бунт подняли, б... – в заложники. Потом, как блок этот взяли, кума спрашивают – это что у тебя тут такое. А он честными глазами – луп-луп.

Козлы, б...

– Дима, долго еще? – спросил майор, выглянув из-за щита, который держал лысый накачанный здоровяк.

– Все, – подрывник показал большой палец и пошел наверх, стравливая с пальцев сдвоенный провод...

– Так, внимание! Грачи, я Акула, что там у вас?

– Грач – Акуле: готовы.

– Спускайтесь до десятого. По сигналу вперед.

– Вас понял.

– Грач – общий, Грач – общий. Одна минута!

– Что тут у тебя...

Омоновец показал глазами на девушку.

– Нельзя сюда...

– Товарищ офицер, мне только вещи забрать, я на поезд опаздываю...

Капитан полиции окинул девушку подозрительным взглядом. Русская... в руках ничего такого нет. Больше всего он опасался того, что это журналистка, или того хуже – блогерша. С камерой. Что те, что другие – отмороженные вконец, им что за щеку в качестве платы за интервью, что под пули – все равно. А если начальство увидит на оцепленной тер-

ритории журналистку – п...ц будет. Так вмандюрят – света белого не взвидишь...

– Документы есть?

Девушка протянула паспорт. Капитан листанул его... уфимская прописка, но это ничего не значило. Сочи – для всей России курорт, кого тут только нет...

– Уфимский поезд не сейчас отходит...

– Я на московский билеты взяла. Через Москву поеду.

Капитан прикинул – вроде сходится...

– Дом какой?

– Вон тот...

Капитан прикинул – незаметно будет. Если из штаба кто покурить выйдет, увидит, как он с этой бабой идет...

– Недолго...

– Ой, спасибо. У меня там все – все собрано, честно. Я быстро...

Капитан сделал знак, девушка пролезла под ограждение. Следом за ней намылилась журналистка, путь ей преградил омоновец.

– Куда...

– Бойся!

Все напряглись. Крикнул как раз подрывник, майор дублировал для Грачей.

Хлопок. Штурмовую колонну прикрыл большой, в человеческий рост щит с фонарем и бронестеклом. Впереди ни-

чего не видно из-за дыма...

Колонна тронулась вперед, проломилась через дверной проем.

– Твою мать! – крикнул кто-то в эфире.

В штурмуемом помещении выстрел, еще один. Стреляют не в них.

– Облом! Облом!

Эту не предусмотренную никакими правилами команду выкрикнул кто-то из Грачей. Она означала, что стекла оказались намного прочнее, чем предполагалось, и Грачам не удалось выполнить свою часть задачи, проникнув в штурмуемое помещение через окна. А это значило, что противник не оглушен, не ослеплен и готов действовать.

Майор вырвал чеку из своей «Зари», бросил вперед.

– Бойся!

Вспышка – и тут же выстрелы. Загремел щит – попали...

– Аллаху Акбар!

Пробития нет. Они снова двинулись вперед – и в этот момент рванула еще одна «Заря». Кто-то из Грачей, рискуя ricoшетами, разбил усиленное стекло автоматной очередью и все же бросил «Зарю». Попало и террористам, и штурмовикам...

Длинной очередью застрочил АПС гаврилы...

– Ах ты, б...ь!

– Пустой!

– Крою!

Капитан выругался про себя. Хочешь помочь... сам же в итоге и подставляешься. Он тут вместо того, чтобы быть у оцепления – стоит у закрытой двери, из-за какой-то бабы, а там штурм идет...

Он постучал в дверь.

– Женщина!

– Сейчас! – донеслось совсем слабо.

Твою мать! Он решил придержать ее у подъезда... потом, после штурма, начнется шахер-махер, все те прокурорские, следаки, все начальство ринется руководить на месте, чего-то там осматривать, руководящие указания давать, тогда и можно будет ее незаметно отсюда вывести.

Вот ведь... не делай добра, не получишь г...а.

Щелкнул замок. Капитан отступил в сторону – и в лицо ему глянул тупорылый ПМ.

– Аллах Акбар!

В помещении, как это обычно и бывает после штурма – беспорядок, мечущиеся лучи фонарей, пыль и дым. Напряжение в воздухе висит, злой, хлесткий мат, чтобы хоть немного снять напряжение...

– Отойди, б...!

– Тащ майор, этот готов.

– Дима, твою мать! Где собака?!

– Да идут, идут...

– В туалете чисто!

– Двое их, двое...

Майор прошел на балкон, там штурмовик из альпинистской группы так и не мог разбить окно. Оно все пошло трещинами, но держалось, а стрелять было нельзя. Видимо, эти новомодные, разрекламированные, небьющиеся с нанопленкой...

Майор, чертыхаясь, начал сражаться с защелкой – когда его мимолетный взгляд остановился на каком-то резком движении. Он вдруг понял, что кто-то бежит к штабному автобусу и скоплению членовозов...

– Альфа-два, движение... – доложил один из снайперов.

И в этот момент по глазам полоснула оранжевая вспышка...

Информация к размышлению

Документ подлинный

Тихомиров Александр (шейх Саид Абу Саад аль-Бурьяти – Саид Бурятский)

Родился в 1982 году в г. Улан-Удэ. По отцу – бурят, по матери – русский. В подростковом возрасте учился в буддийском дацане. Самостоятельно изучая исламскую литературу, в 15 лет принял ислам. Позже переехал в Москву, учился в медресе «Расуль Акrame», суннитском медресе в г. Бугуруслан Оренбургской области.

С 2002 по 2005 год Александр Тихомиров обучался в центре изучения арабского языка «Фаджр», изучал теологию в исламском университете «Аль-Азхар» в Египте, а затем у различных авторитетных ученых-шейхов в Египте и Кувейте. Из-за проблем с египетскими спецслужбами вынужден был вернуться.

Вместе с тем, по данным Генпрокуратуры РФ, А.Тихомиров в это время «проходил длительную подготовку в Саудовской Аравии».

После возвращения из Кувейта занимался самообразованием, работал в религиозном

издательстве «Умма» в Москве, служил при Московской соборной мечети. Благодаря многочисленным лекциям, распространяемым на аудио— и видеоносителях и в Интернете и пользующимся большой популярностью в среде исламской молодежи, Александр Тихомиров стал известен как ученый-богослов (шейх), проповедник ислама. Ездил с проповедями по России и странам СНГ. Женившись, вернулся в Бурятию, в Улан-Удэ, где жили его сестра и мать.

В мае 2008 года Александр Тихомиров тайно прибыл на Северный Кавказ, где встретился с лидером кавказских моджахедов, «военным амиром Имарата Кавказ» Доку Умаровым, и принес ему присягу (байат). По словам Тихомирова: «После провозглашения Имарата Кавказ отпали все сомнения. У нас один амир и одно государство. И прямая обязанность каждого мусульманина сегодня выйти на джихад и помогать джихаду словом и имуществом».

За год участия в «священной войне против России» А.Тихомиров участвовал в ряде диверсионных операций вооруженных формирований, возглавляемых Доку Умаровым. Выступал с видеообращениями на русском языке в Интернете с призывом к исламской молодежи в странах СНГ присоединяться к вооруженной борьбе на Кавказе, писал статьи для сайта «Кавказцентр» и давал интервью о джихаде. В среде радикальных исламистов снискал славу «моджахеда-интернационалиста», своего рода

«исламского Че Гевары».

Президент Чечни Рамзан Кадыров заявлял, что, по его сведениям, Александр Тихомиров является «главным идеологом бандподполья» и что он полтора года готовил террориста-смертника Рустама Мухадиева, который 26 июля 2009 года подорвал бомбу на Театральной площади в Грозном.

30 июля 2009 года Следственное управление при МВД по Чеченской Республике возбудило в отношении А.Тихомирова уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 Уголовного кодекса России: «участие в вооруженном формировании, не предусмотренном федеральным законом». Основанием послужили фотографии и видеозаписи, размещенные в Интернете, где он фигурирует вместе с боевиками.

Утром 17 августа 2009 года смертник въехал на заминированном автомобиле в ворота РОВД г. Назрань и привел в действие взрывное устройство. В результате этого теракта погибло 25 человек (в основном сотрудники милиции) и ранено ок. 260 человек. Здание Назрановского РОВД было полностью разрушено.

27 августа на сайтах сепаратистов была опубликована видеозапись данного теракта, в титрах которой сообщалось, что шахидом, осуществившим подрыв, был Саид Абу Саад аль-Бурьяти (Александр Тихомиров). Но 5 сентября 2009 года эта информация была опровергнута

самим А.Тихомировым, выступившим с очередным видеообращением в Интернете.

2 марта 2010 года сотрудники федеральных спецслужб блокировали несколько домов в селе Экажево (Ингушетия), где по оперативной информации скрывались боевики. В ходе боя погибли шесть сепаратистов, еще 16 человек были арестованы по подозрению в причастности к НВФ. 4 марта представители силовых структур Чечни заявили, что среди погибших в Экажево 2 марта боевиков был и Александр Тихомиров. Вскоре эта информация была подтверждена и сепаратистами, на сайтах которых опубликованы сообщения о «шахаде» А.Тихомирова (Саида Бурятского).

Kavkaz-uzel.ru

12 мая 2015 года
Москва, Кремль
Экстренное заседание
Совета безопасности РФ

– ...В Краснодарском крае введен и действует оперативный план Сирена, – монотонно докладывал директор ФСБ, глядя в экран лежащего на столе iPad 3, удобство которых заключалось в том, что можно было настроить бегущую строку, большие буквы и голосовой анализатор, то есть ты читал, а компьютер распознавал твой голос и подстраивался под тебя, исполняя роль суфлера, – на сегодняшний день проверено восемьсот девяносто три человека, задержано до выяснения личности двести семнадцать...

– По каким статьям задержаны? – осведомился президент. Директор внутренне сжался, готовый принять удар начальственного гнева.

– Пока за проживание без регистрации...

– Отлично, – резюмировал президент, – поймали двести семнадцать гастарбайтеров. Вам что, больше заняться нечем? Почему вы выполняете работу полиции?

– Господин президент, согласно внутреннему распоряжению от одиннадцатого года все лица, подозреваемые в со-

вершении тяжких и особо тяжких антигосударственных преступлений, задерживаются для выяснения личности в целях предотвращения раскрытия...

Президент устало махнул рукой:

– Предотвращения раскрытия – отлично сказано. Раскрытием у вас, как я вижу, и не пахнет. Хоть одного террориста оставили в живых?

– Так точно, господин президент, – на сей раз Директору было чем похвастаться, обычно в живых террористов не оставляли. Отмена смертной казни сыграла отрицательную роль – если раньше все знали, что террориста расстреляют, то теперь наученные горьким опытом девяностых силовики знали, что родственники подонка захватят в Чечне заложников, начнут предъявлять требования, их выполняют, и кровавый ублюдок выйдет на свободу. Да еще и мстить начнет – тоже прецеденты бывали, одно дело Буданова чего стоит. Так что «во избежание» террористов оставляли в живых в самых редких случаях, стреляя на поражение, даже если террорист поднял руки или бросил автомат. Добивали раненых. Официальное оправдание этому – возможность наличия пояса шахида.

– ...один из террористов взят живьем.

– Дагестан? – устало спросил президент.

– Никак нет. Уфа.

– Что?!

– Так точно, Уфа. Установить удалось как Пехотина Дани-

ила Викторовича, восемьдесят седьмого года рождения. Место рождения – город Уфа, по национальности записан как русский. Ни на каких учетах не состоял. Уехал в Москву поступать в театральный, после этого родственники не имели о нем никаких сведений. УФСБ по Республике Башкортостан отрабатывает его уфимские контакты, УФСБ по Москве и Московской области ведет работу здесь. Пока ничего.

– Он что-то сказал?

– Нет. Молчит.

– А женщина, совершившая самоподрыв?

– Установлена как Яршанская Полина Владимировна, девяностого года, город Уфа. Мы предполагаем, что это гражданская супруга Пехотина. Мы показали ему ее останки в морге. Он не раскололся...

Уже на выходе из зала, где состоялось заседание Совета безопасности, одного из высокопоставленных чиновников кивком отозвал в сторону неприметный, скверно для Кремля одетый человек. Когда чиновник – лет пятидесяти, среднего роста, до сих пор не имеющий ни единого седого волоса в черных как смоль волосах – наклонился к этому человеку, тот прошептал ему на ухо:

– Сергей Сергеевич приглашает вас на восемь.

– Куда?

– В клуб...

Чиновник мысленно выругался. У него на вечер были пла-

ны. Но отказаться от такого приглашения означало загубить свою карьеру. Сергей Сергеевич никогда никого не приглашал. Он приказывал явиться...

Ровно без десяти восемь на одной из развилок в ближнем Подмоскowie свернула с раздолбанного шоссе на идеальную, ледяной гладкости дорогу бронированная черная «Ауди» с номерами, на которых вместо цифрового кода региона был большой российский флаг. Машина покатила мимо высаженных по обе стороны дороги пирамидальных тополей, которые тут совсем были не к делу. Пирамидальные тополя плохо выдерживали климат Подмоскowie, и прошлой зимой едва ли не половина из них вымерзла. Но весной из теплых стран были привезены и высажены в суровую подмосковную землю ровно столь же взрослых тополей – для них заказали рейс самолета. Просто хозяин и этой дороги, и этого клуба был человеком чрезвычайно упрямым, даже упертым – и если он решал, что тут должны быть пирамидальные тополя, как он видел в одной далекой стране – значит, так оно и будет, если даже придется пересаживать их каждый год.

Бронированная «Ауди» подкатила к роскошной парадной лестнице. Этот дворец был новоделом, но без малейшего китча, дворянская усадьба начала двадцатого века – но сделанная с незаметным присутствием технологий века двадцать первого. За два года этот клуб стал одним из самых популярных мест среди деловой и политической элиты Моск-

вы.

Чиновник вышел из машины – он до сих пор занимался спортом, и поэтому из машины он вышел, а не выгрузился. Легко взбежав по ступенькам, он сбросил плащ на руки милой даме и ни единого взгляда не кинул на тусующийся у входа цветник гламурных проституток, бросающих на него зазывные взгляды.

Не его масть потому что.

Сергей Сергеевич ждал его в одном из частных кабинетов на втором этаже – нет, не том, где установлены шесты и зеркальный пол, – а вполне нормальном кабинете для ведения деловых переговоров. Сергей Сергеевич, кряжистый, с грубым крестьянским лицом и перхотью на костюме за двадцать тысяч долларов – ел рыбу, а рядом с ним сидел человек, которого чиновник знал как представителя нынешней администрации США, который мотался по свету, тайно улаживал конфликты и сглаживал – или, наоборот, обострял отношения. Перед ним стоял только стакан свежавыжатого апельсинового сока, из которого он не пил.

Состояние Сергея Сергеевича – еще в то время, когда он находился на госслужбе – оценивалось в два миллиарда долларов. Чиновник точно знал, что он разворовал в несколько раз больше. И до сих пор обладал такой властью, что с ним считались даже американцы.

Чиновник несколько минут простоял перед столом как проситель, пока Сергей Сергеевич не махнул рукой – садись

давай...

Чиновник сел. Официант не появился, не предложил меню.

– Что у нас там по Сочам? – недовольно спросил Сергей Сергеевич, не переставая чавкать. – Опять проворонили...

Чиновник отлично знал, что здесь не Совет безопасности и стандартным «работа ведется» не отговоришься. Вот этот, не умеющий себя вести ублюдок, стоит только ему глазом моргнуть – и тебя вышвырнут. Ворон ворону глаз не выключет, но из гнезда выкинет. Вышвырнут из власти, из кабинета, с должности... вышвырнут навсегда. И то, что у тебя состояние в полмиллиарда долларов, не значит ровным счетом ничего.

Чиновник злобно глянул на сидящего напротив невозмутимого американца. Им хорошо... сволочам. У них если партия проиграла на выборах – тебя устроят в какой-нибудь фонд или преподавать... до следующих выборов. А у нас все не так... отнюдь не так. Если ты падаешь – это сигнал «фас!». И на тебя накинута все, кого ты сам сожрал, подставил, кинул, переехал, ограбил до нитки без всякой жалости. У тебя отнимут все, сделают изгоем, пустят по миру – и только потом, скорее всего, убьют. В России выпадение из обоймы, выпадение из власти – это всего лишь начало долгого, очень долгого пути на Голгофу. А как думаете – почему та же Единая Россия власть не отдает? Почему людям, у которых в загошнике по несколько миллионов долларов как минимум,

эта власть нужна? Да просто жить хочется...

– Удар пришел, откуда не ждали. Эти ублюдки были русскими.

– Русскими?

– Так точно, – ответил чиновник Сергею Сергеевичу, точно так же он ему отвечал, когда они вместе служили в одной из африканских стран.

– Б...и, – выразил свое мнение Сергей Сергеевич, – твари конченные. Ублюдки, так их мать, скоты, паразиты...

Сергей Сергеевич очень любил Россию и русских. Где еще можно годами безнаказанно воровать и паразитировать? Сообщение о том, что теракт совершили русские, Сергей Сергеевич воспринял как личное предательство.

Не прекращая есть рыбу, Сергей Сергеевич кивнул американцу – и тот положил перед чиновником маленькую карту памяти.

– На, глянь... – сказал Сергей Сергеевич.

Чиновник достал свой наладонник «Самсунг», подключил карту. Начал наскоро листать страницы, чувствуя, как холодная струйка пота течет меж лопаток...

Ублюдки траханные...

Данные представляли собой аналитический доклад ЦРУ, который был положен на стол президенту. Американскому президенту, естественно. С доказательствами – такими, от которых не отмахнешься.

Переводы. Отправитель – компании, контролируемые

фондами, принадлежащими королевским семьям Кувейта и Саудовской Аравии. Те же самые фонды, которые контролируют и финансируют Аль-Каиду, те же самые фонды, в которых американскими партнерами саудовских нефтемагнатов выступает техасская семья Бушей. Получатели – офшорки на Каймановых островах, на острове Мэн, лихтенштейнские анштальты. Про часть из них чиновник знал, кому они принадлежат, часть – нет...

– Меня здесь нет, Сергей Сергеевич... – сказал чиновник, и голос его подрагивал.

– Знаю, что нет... – Сергей Сергеевич улыбнулся перепачканными белым соусом губами, – иначе бы с тобой разговаривали другие люди и в другом месте. Вот такой вот... союз православия и ислама против американской гегемонии. Ты дальше почитай...

Чиновник начал читать дальше. Тайная встреча... вот ублюдки, так вот почему они в Абу-Даби всей толпой намылились. Все еще удивлялись – ездили ни по что, привезли ничего. Материалы аудиоконтроля, данные слежения с беспилотников, списки участников...

– Вова... – злобно прошептал чиновник, моментально исполнившись самой лютой ненависти, – убью гада...

Ненависть такая имела основания – Вова был не просто его заместителем. В прошлом он был и гомосексуальным партнером чиновника. Так что это тоже было в некотором роде личное предательство...

Так вот что он творит, с. а! Он под его место копает! Тварь подкожная! Правильно, если консорциум по Черному морю сорвется – им всем... жопа придет. А во всем мире нет более заинтересованных людей в срыве освоения Черного моря, чем нефтяные шейхи Персидского залива.

Господи, это же государственная измена! Предательство Родины!

– Надо идти к Папе... – сказал чиновник, и голос его дрогнул.

Сергей Сергеевич недобро прищурился.

– Третий сверху. Анштальт Ровере – как думаешь, чей?

Чиновник испугался. До боли в голове испугался...

– Да, да... Ее.

– Так что же, выходит – все? – жалобно спросил чиновник.

– Ничего не все... – сказал Сергей Сергеевич и вдруг перешел на английский, который он выучил в Военно-дипломатической академии. – Наши американские друзья имеют свой интерес в проекте, с которым придется считаться всем. И в России у нас есть союзники, причем на самом верху. Мы просто должны нанести ответный удар, такой, который делает претензии наших конкурентов несущественными. Ведь так?

– Совершенно верно, сэр, – поддакнул американец.

– И именно поэтому, – продолжил Сергей Сергеевич на английском, – мы должны предпринять ряд шагов, как в нашей стране, так и за ее пределами. Москвой займусь я, в то

же время ты должен выйти на контакт с известным нам обоим человеком и договориться об активных действиях против наших противников. Направления – Кувейт, Саудовская Аравия, Катар. Это нужно сделать не далее чем завтра к середине дня. Ты все понял?

– Да, но...

– Никаких но. Самолет во Внуково ждет.

– Но он захочет долю!

– У него и так есть доля. Намекни ему на то, что он жив только потому, что мы позволяем ему жить.

Чиновник pokrылся холодным потом. У человека, к которому он направлялся, был личный зоопарк. И в нем были львы...

– Ты еще здесь?

Отодвинув стул, так что тот чуть не упал, чиновник вылетел из кабинета.

Сергей Сергеевич вытер пальцы о скатерть и сказал американцу:

– Все будет хорошо...

Американец несколько натянуто улыбнулся.

Американец вышел из клуба через час, с трудом отбоярившись от проституток в вестибюле. Любая из них в США могла бы ходить по подиуму, но американцу не нужны были неприятности. Их у него хватало и без этого – надо было докладывать президенту. А на носу уже выборы...

Водитель – темнокожий морской пехотинец из охраны посольства – захлопнул за ним дверь.

– В аэропорт, сэр? – осведомился он.

– Да...

Посольский кадиллак плавно тронулся...

Американец был в России уже не первый раз, первый раз он побывал в ней еще совсем салагой, молодым капитаном, когда инспектировал процесс разоружения. Русские гильотиной, подвешенной на кране, крушили свои ракеты и стратегические бомбардировщики, взрывали ракетные шахты, а директор одного из заводов в центре России, который раньше выпускал крылатые ракеты, а теперь выпускал велосипеды – спрашивал, нельзя ли наладить поставки этих велосипедов в США. Тогда старший в миссии, бригадный генерал Бейтс, спросил, какую прибыль они получают от производства велосипедов, а русский директор завода спросил: а что такое прибыль?

Перемены, произошедшие с тех пор в мире, были ужасающими – правда миром, как чаяли тогда они, инспекторы по разоружению в далеком девяностом и не пахло.

Русским больше не надо было объяснять, что такое прибыль; по приблизительным оценкам ЦРУ за двадцать пять лет реформ из страны было вывезено восемьсот миллиардов долларов. Каждый из чиновников, с которыми он встречался, имел личный счет, количество денег на котором исчислялось как минимум восьмизначной цифрой. Эти люди бы-

ли как рак, как чума – но зараза быстро распространилась, и теперь, возвращаясь к себе домой, он видел те же разнужданные и бесцеремонные методы ведения дел, циничное и наплевательское отношение к закону, к обществу – когда для буквы закон соблюдается, на деле же получается точная противоположность тому, ради чего этот закон был создан. Аресты, посадки ничего не решали в России, ничего не решали они в США, на место одних просто приходили другие, еще и голодные. Что-то сломалось, что-то фундаментальное разрушилось в самом обществе, в самом мироустройстве в девяностые, которые теперь все считали десятилетием почти что раем на земле. Американец как человек осведомленный и думающий считал это чем-то вроде пира перед началом чумы...

Когда американец только учился – его учили, как в случае необходимости снести ядерным оружием СССР, обратить его в прах и пепел. Теперь он иногда с ужасом ловил себя на мысли, что уже ничего не исправить, для того чтобы исправить, надо снести ядерным оружием весь мир, включая его собственную страну. Чтобы дать тем немногим, кто выживет, шанс начать новую жизнь людьми...

Кадиллак резко затормозил – и морской пехотинец за рулем забарабанил по клаксону, изрыгая русские ругательства. Американцы в России очень быстро учились...

Ночь на 13 мая 2015 года

Чеченская Республика

Кипенно-белый, с гордым золотистым гербом на борту Дассо Фалкон девятьсот особого авиаотряда государственной авиакомпании «Россия» – посвистывая моторами, заходил на посадку, на длинную бетонную полосу, огражденную высоким забором из сетки рабицы. По обе стороны полосы иссиня-белым светом горели фонари, подсвечивающие полосу, – и казалось, что прямо здесь, в угрюмых кавказских предгорьях, вдруг появилась светлая, ведущая к Аллаху дорога. Вот только дорога эта вела, скорее, к Даджалу¹².

Одиноким сидящим в салоне человек еще раз приложился к бутылке дорогого «Курвуазье» – он пил прямо из горла, с ненавистью глянул в иллюминатор. Львы... Здесь были львы, несколько львов, специально привезенных из Африки. Человек, который держал Республику и большую часть Кавказа, где-то вычитал, что несколько тысячелетий назад на территории Кавказа водились львы, здесь была северная граница их ареала. С тех пор этот человек буквально заболел львами, у него было несколько львов, львов в своих домах завели и сподвижники этого человека, и он вынашивал идею выпустить львов на волю и создать колонию львов на

¹² Сатана в Исламе.

Кавказе. Зная этого человека, не стоило сомневаться в том, что рано или поздно он это сделает. Перед его домом висел огромный транспарант, там было выбито изречение имама Шамиля: «Тот не мужчина, кто думает о последствиях»...

Самолет мягко коснулся полосы, побежал по ней, постепенно замедляя ход.

Чиновник знал, что шансы вернуться живым из этой поездки, – если он в точности выполнит поручение Сергея Сергеевича, – четыре к пяти. Не так уж и плохо, если брать расклады для военного времени. Но тут был мир, и он, черт побери, жил в столице великой державы, пользуясь всеми благами цивилизации – при этом плата была такой. По приказу сверху он должен был ставить на кон свою жизнь...

Чиновник был обрусевшим крымским татаринном, он родился в семье, которую Сталин выслал в Казахстан, и потому он пошел в армию, лелея в душе лютую ненависть к Советскому Союзу, в которой его воспитали родители. Советский Союз рухнул, когда он был еще совсем молодым, и так получилось, что он попал в обойму и стал продвигаться вверх. Их было немного, но они были. Спаянные совместно совершенными преступлениями, они цеплялись за власть, алкая ее для того, чтобы никто и никогда не наказал их за то, что они совершили, совершают и будут совершать. Постепенно к ним присоединялись и другие... постепенно восстанавливалась разрушенная безумием девяносто первого вертикаль, каждый винтик, каждая гаечка, каждая шестеренка вставляла

на место, и заржавевшие колеса прокручивались, перемалывая в кровавое мясо новых и новых людей. Они победили, выстояли, вернули утраченное. Тогда почему горло все чаще распирает от сдерживаемого волчьего воя?

Их считали мафией, но мафией они никогда не были. Ибо мафия – это семейная организация, по сути, мафиозо спаивает не столько подчинение, сколько дружба, общие интересы и общее выживание. Ничего подобного в их организации не было и близко...

Тот же Сергей Сергеевич и близко не считал его членом семьи, равно как и он не считал Сергея Сергеевича отцом, даже крестным. Их отношения строились на простом и понятном фундаменте: твоя победа – это моя победа, твои проблемы – это твои проблемы. Ему отдавали приказ – и никого не интересовало, как он его будет исполнять, на его место было достаточно претендентов. От каждой своей взятки он должен был отламывать долю наверх – и точно так же нижестоящие обязаны были отламывать долю ему – хотя никакой дружбы это не создавало. Тот же Сережа, которого он имел в самом прямом смысле слова, за спиной переметнулся в другой лагерь, подгрызаясь под него. Если Чеченец сейчас выслушает приказ, разозлится и прикажет бросить его на прокорм львам – Сергей Сергеевич не будет за него мстить. Чеченец выполнит приказ, но покажет при этом уровень своей самостоятельности, а Сергею Сергеевичу нужно сделанное дело, что же касается его, Чиновника, – срать он на него хо-

тел, львам тоже надо чем-то питаться. Точно так же и сам Чиновник обращался со своими подчиненными – и, наверное, точно так же они ненавидели его, копя в глубине души счет и ожидая, пока он пошатнется. Вся система, которую они заново отстроили, держалась на ненависти, злобе, праве унижать тех, кто ниже, и обязанности унижаться перед теми, кто выше, страхе перед ответственностью за содеянное и круговой поруке. Смешно... если бы его вызвали в Прокуратуру и посадили за... скажем, взятки и хищения – Сергей Сергеевич порвал бы за него любого, защищая и свое право безнаказанно совершать преступления. Но если Чеченец бросит его в клетку ко львам – Сергей Сергеевич просто примет это к сведению. Потому что сам он никогда не вел с Чеченцем переговоров наедине, и значит, попасть в клетку со львами ему не грозило...

Глупая корова в форме от Ива Сен-Лорана улыбнулась ему на выходе, и он едва не сплюнул от отвращения...

Несколько черных бронированных седанов и внедорожников стояли у самолета полукругом, наблюдая за выходящим из самолета человеком бледно-голубыми, пронзительно горящими во тьме глазами. Возле машин стояли вооруженные до зубов люди из личной гвардии Самого. Закоренелые боевики, они получили прощение, и теперь не было более страшных преследователей ваххабизма по всему Кавказу, чем они. То, что в Москве было еще редкостью, здесь

было в полный рост: похищения, убийства, пытки. Чиновник знал, что эти люди хорошо к нему относятся – в конце концов, именно через него идут к Папе представления на награждение: кому орден Мужества, кому и Героя обломится. Но они также знали, что, прикажи Чеченец, и они переедут его машиной и бросят. Или бросят в клетку со львами.

– А... салам алейкум, дорогой.

– Ва алейкум, ас салам, Хамза...

– Садись, дорогой, поехали... Стол накрыли, барашка за-резали...

На востоке бледно-розовое свечение высвечивало рубчатый горизонт гор. На Ичкерии паровым катком рассвета надвигался будущий день...

Дороги в Ичкерии, русском оплоте на Кавказе, где за «Единую Россию» голосуют девяносто девять и девять десятых процентов избирателей, были на редкость хороши, равно как и многое другое – возможно, именно этим обуславливался столь высокий процент поддержки чеченцами партии власти. Но не партия власти была причиной столь высокого уровня жизни Чеченской Республики Ичкерия. Просто как-то раз, когда один подрядчик осмелился положить под дорогу половину необходимого щебня, а вторую половину пустил налево – Чеченец лично наехал на него трактором, а потом приказал найти другого подрядчика. Следующий подрядчик, да и все другие тоже таких ошибок уже не допуска-

ли...

Промчавшись по гладкой, как сталь клинка, дороге, караван машин ворвался в широко распахнутые ворота огромного четырехэтажного особняка в предгорье. Внедорожники и «Мерседесы» здесь мирно соседствовали с бронетранспортерами и новомодными миннозащищенными машинами, которых Чеченец купил больше, чем русская армия, по отсыпанным дробленным мрамором дорожкам важно ходили павлины, а где-то на задах дома, в личном зоопарке Чеченца, рычали львы. Было раннее утро, и они проголодались за ночь...

Чеченец вышел к гостю как раз по дорожке, по той самой, которая вела к зоопарку мимо каких-то дорогих ароматических кустарников. Вечно молодой, обманчиво простой и доступный, с непроницаемым взглядом блестящих, как галька в горном ручье, глаз, здесь, в своем доме, он носил то, что ему нравилось – джинсы, пиджак, кобура со «стечкиным» на поясе. «Стечкин» был совершенно обычным, не позолоченным, с типичной для Чечни надписью «Достаточно Меня в расчете¹³».

– Салам.

– Салам...

На ногах Чеченца были тапочки. Он махнул рукой куда-то в сторону.

– К столу...

¹³ На самом деле фраза вырвана из контекста, скорее всего Коран 4:6.

Перед тем как принимать пищу, прочли дуа, короткую молитву, вознесли благодарность Аллаху за посланное им. Еда была простой и грубой, в основном мясо, что было оправдано наличием гостя за столом¹⁴. Кавказ вопреки обычным суждениям вовсе не был каким-то гастрономическим раем и даже не имел каких-либо гастрономических особенностей, ели здесь просто, и того, что сытно, было вполне достаточно. Для гостя зарезали барашка, а так как людей было много, к нему присовокупили еще двоих. И сейчас около пятидесяти человек, поставив автоматы рядом со стулом или зажав их коленями, жадно вгрызались крепкими волчьими клыками в свежее баранье мясо. Чиновник хоть и был чеченцем, не чувствовал себя среди них своим, этот пир варварства вызывал у него непроизвольную тошноту.

Впрочем, не стоило сомневаться, что и милые привычки личной жизни чиновника тоже вызвали бы тошноту у многих сидящих за этим столом. Но поскольку каждая сторона нуждалась в другой, они сидели за одним столом и улыбались друг другу...

Поев и прочитав положенный дуа, вставая из-за стола, люди разошлись по своим делам. За огромным столом, заваленном обгрызенными костями, остались только двое...

– Сергей Сергеевич... – начал чиновник, – передает большой привет...

¹⁴ Чеченцы по утрам обычно не едят мясо.

Чеченец кивнул. Глаза у него оставались непроницаемо-темными, в гневе они начинали светлеть...

– Он просил передать, что то, о чем вы говорили, нужно немедленно претворить в жизнь. Саудовская Аравия, Катар, Кувейт...

Чеченец достал откуда-то четки, покрутил в руках.

– Это не так просто сделать. Наш народ, наши старики – желанные гости в Мекке. Пока...

Чеченец был показательно-правоверным, он регулярно вставал на намаз и совершил хадж в Мекку – но при этом в нем не было ни капли веры. Война – две долгие, произошедшие одна за другой войны – совершенно изменили Чечню и чеченский народ. Во времена СССР, когда было все нельзя – чеченцы были более религиозными, чем теперь. Потому что тогда живая, в чем-то наивная вера сохранялась в народе, передавалась из уст в уста вместе со старыми непонятными книгами, которые никто не мог прочитать, но которые сохраняли от русистов и отказывались продавать, даже когда голодали. А теперь он и такие, как он, прекрасно знали, что если у твоего врага есть автомат, а у тебя его нет, то как бы усердно ты ни молился, как бы Аллах тебе ни помогал – ты все равно подохнешь. Подохнешь – а твой враг плюнет в твое мертвое, разбитое пулями лицо и пойдет жрать, срать и трахать баб. А тебя растаскают лисы и волки, вот и все, что будет. Вот и весь Аллах.

Просто он знал, что если ты заплатишь деньги, то человек

вряд ли пойдет и подорвется, подорвав себя вместе с твоим врагом – жизнь дороже. А вот если ты расскажешь ему про семьдесят две девственницы, про прямой и короткий путь к Аллаху, про джихад – он пойдет и подорвется. Именно это его и устраивало в Исламе, именно поэтому он не отходил от него. Если бы это помогало сохранить и укрепить власть – он бы молился на маленьких зеленых человечков.

– Сергей Сергеевич очень надеется на вас... – униженно проговорил чиновник.

Чеченец кивнул, его пальцы неторопливо перебирали потемневшее от времени дерево старых четок, а в его глазах не было ничего, кроме черной пустоты. Он должен был принять решение – здесь, сейчас, потому что от этого зависела судьба его народа и его республики.

Чеченец понимал, что пока он в роли младшего партнера московских кукловодов, но это только пока. Время расставит все на свои места. В чеченских горах работали несколько лагерей для чеченской молодежи, в них опытные инструкторы, прошедшие войну, а потом и спецподготовку у русских, преподавали молодым чеченским парням то, что они должны были знать, чтобы стать волками. Пистолет, автомат, снайперская винтовка, пулемет, ручной и подствольный гранатомет. Минирование и разминирование дорог, оборона и штурм помещений, устройство укрытий и убежищ, действия в лесу, как партизанские, так и антипартизанские. Вождение автомобиля и бронетранспортера. Основы агентурной и

контрразведывательной работы. В лесу, в родных горах, заботливо опекаемое опытными инструкторами, росло племя хозяев. Этой земли и земель многих других.

Человек, который прилетел к нему из Москвы, тоже ковал будущее своего народа. Педерастическое будущее. Когда ему дали денег и попросили создать массовое молодежное движение для русистов – он взял деньги и создал массовое молодежное движение гомосексуалистов, в котором он и некоторые другие чиновники русистов находили себе партнеров для секса. В движение вербовали прямо в университете, все знали, что для того, чтобы стать близким к Кремлю, надо пройти через «голубизну». В Чечне педерастов убивали.

Возможное решение было – не «да» или «нет», слово «нет» было исключено. Он понимал, что зависит от Москвы больше, чем кто бы то ни было в республике. Что его работа – договариваться с Москвой, выбивать из нее деньги и льготы, обеспечивать безнаказанность. Он здесь хан, пока он выполняет эту работу. И если он с ней не справится – его просто убьют и найдут другого. А Сергей Сергеевич найдет способ осложнить жизнь. Достаточно задержать федеральные трансферты, и... То, что в ответ может начаться новый виток войны, Сергея Сергеевича не интересовало абсолютно – не ему сидеть в окопах, не ему подыхать под пулями.

Вопрос в том, как именно сказать «да». Он может попросить что-либо для себя и конкретно в проекте – либо что-то для республики. Второе – будет проще, чем первое, пото-

му что в первом случае Сергею Сергеевичу придется отдавать часть своего, в другом – часть государственного. Государственное отдать естественно проще, пусть и сумма будет в несколько раз больше.

Прищурившись, чеченец смотрел на московского гостя, примерно прикидывая, насколько сильно попали русские. Наверное, сильно, если просят такое. Другой вопрос – это лично не касается Сергея Сергеевича, более того – не он в Правительстве отвечает за борьбу с терроризмом, а один из его ближайших недругов. Наверное, Сергей Сергеевич пришел к Папе и предложил решить проблему «по-своему». В коридорах Кремля это ценится – он знал это, потому что и сам был вхож. Власть русистов была импотентна по своей природе, и если кто брался решить какое-то серьезное дело и решал быстро и эффективно – мог продвинуться вверх очень быстро и очень серьезно. Сам Папа...

Чеченец прикусил язык. О том, о чем он подумал, было не только опасно говорить – опасно даже думать...

Как бы развернувшаяся борьба с терроризмом и по Кавказу не ударила. А ведь ударит, непременно ударит, дай только срок.

Стоит или не стоит напрягать отношения с Сергеем Сергеевичем? Чеченец как всегда доверился не разуму, а инстинкту выживания, который никогда его не подводил.

– Десять миллиардов, – сказал он, – в этом году.

Чиновник с облегчением и плохо скрываемой радостью

кивнул:

– Я доложу Сергей Сергеевичу...

Чеченец сделал неопределенный жест рукой, поднялся. Чиновник понял, остался на месте, стараясь раствориться в окружающем пространстве, слинять, не отсвечивать...

Дело стремное – Чеченец конкретно понимал, что дело стремное. Он шел на людей, за которыми стоят настоящие террористы. Не те, которые по лесам шарахаются, а настоящие, за плечами которых ад Абу-Грейб и Гуантанамо, бои в эль-Фаллудже, растерзанные и повешенные за ноги американские солдаты. Найдутся их последователи и здесь – оловянные глаза, чугунные сердца и несколько намертво затверженных строк из Корана. Они не были такими: даже когда воевали с русистами. А эти родного отца убьют, если кто-то скажет, что он действует не по шариату.

С другой стороны – он и так всегда под прицелом. Если дать им ход – будет Имарат Кавказ, а его самого протащат по Грозному, привязав за ноги к БТР. Это все не шутки, это дальний прицел и наиболее сметливые это понимают. Потому и с русистами...

Так что надо делать...

Чеченец достал сотовый, набрал номер телефона.

– Салам, Шамиль... – сказал он, – как дела в Измире?

Информация к размышлению

Документ подлинный

Религиозные экстремисты стали вольготно себя чувствовать на казанских улицах. После триумфального возвращения в соборную мечеть Татарстана имама Рамиля Юнусова, которого поддержала мусульманская общественность республики, настроенная против антиваххабитской политики нынешнего муфтия Ильдуса Файзова, на казанских улицах появились дорогие автомобили, украшенные черными флажками с белой арабской вязью. Владельцы иномарок охотно поясняют, что это флаг халифата, к которому в скором будущем будет принадлежать весь Татарстан. Раскол мусульманской общины и создание в республике альтернативного Духовного управления мусульман говорят о том, что новоявленные глашатаи халифата не так далеки от истины.

Отставка Рамиля Юнусова с поста имама-хатыба мечети Кул Шариф вызвала взрыв негодования среди противников Ильдуса Файзова. На следующий день после того, как муфтий подписал распоряжение об отставке Юнусова и назначении себя на его место,

в соборной мечети в Казанском кремле собрались сотни мусульман. Увидев столь мощную поддержку верующих, свергнутый имам даже разрыдался. Однако быстро взял себя в руки и объявил собравшимся, чтобы те не бунтовали, а дождались пятницы, когда станут известны результаты его переговоров с представителями властной элиты Татарстана. В тот же день радикалы из Союза татарской молодежи (СТМ) «Азатлык» приготовились провести шумную акцию у кремлевских стен в поддержку Рамиля Юнусова. Однако акция не потребовалась. Рамиль Юнусов остался на своем посту.

Решение о сохранении за имамом прежней должности Ильдус Файзов объявил сторонникам Рамиля Юнусова лично. Правда, далось это нелегко. Едва муфтий начал говорить, как в его адрес из зала полетели проклятия. Сторонники свергнутого имама встретили решение о возвращении Рамиля Юнусова возгласами «Аллах акбар». Когда первый муфтий Татарстана, а ныне имам казанской мечети «Нурулла» Габдула Галиуллин предложил собравшимся проголосовать за отставку Ильдуса Файзова, весь зал вытянул руки вверх. На улице ликующие мусульмане уже не стеснялись в выражениях. «Файзов достал уже своей политикой!» – кричал лидер СТМ «Азатлык»

Наиль Набиуллин. – Он в каждом мусульманине видит экстремиста».

Громкая отставка и стремительное возвращение Рамиля Юнусова в мечеть Кул Шариф стала

свидетельством раскола мусульманской уммы Татарстана на два противоборствующих лагеря. Лишним подтверждением тому стала заявка на создание в республике альтернативного муфтията, поданная на прошлой неделе в Министерство юстиции России по Татарстану от одного из ближайших деловых партнеров бывшего муфтия Гусмана Исхакова – Мурата Галеева. Глава Духовного управления мусульман Татарстана ушел в отставку весной 2011 года после ЧП в Нурлатском районе республики, где была уничтожена вооруженная группа боевиков – приверженцев радикальных течений в исламе. Новый муфтий Ильдус Файзов при поддержке Казанского кремля начал защищать мусульманское духовенство, решительно изгоняя из него сторонников экстремистских течений в исламе, связанных с международными террористическими организациями вроде «Ихван аль-муслимун» («Братья-мусульмане») или «Хизб-ут тахрир аль ислами» («Партия исламского освобождения»).

Однако далеко не всем мусульманам в республике пришла по душе инициатива Файзова. Центрами сопротивления кампании деваххабизации стали закамские города Нижнекамск и Набережные Челны, где всегда были сильны позиции религиозных экстремистов (кстати, именно из Нижнекамска приехало большинство сторонников Рамиля Юнусова. – «НГ»). Радикалы ушли в подполье в ожидании перемен. Локальная кадровая победа

Рамиля Юнусова, открытая демонстрация протеста против Ильдуса Файзова в мечети Кул Шариф и создание альтернативного муфтията, по сути, обозначили эти перемены и засвидетельствовали тактическое поражение антиваххабитской политики Ильдуса Файзова. Ведь если учесть, что в ДУМ-2 должны войти приходы сразу нескольких казанских мечетей, где довольно часто собираются религиозные экстремисты и проповедуются нетрадиционный ислам, можно сделать вывод, что ваххабизм в Татарстане в скором времени получит официальное признание. И лучшие остальных это чувствуют как раз те самые владельцы дорогих иномарок, украшающие свои автомобили черными флажками с белой арабской вязью.

«Ваххабизм на Волге»

Новая газета

26 мая 2015 года

Москва

Можно сказать, что уже приехали...

За окном царствовала поздняя, зрелая весна, чахлые, стоящие на болотине березовые леса, грузовые станции и россыпь коттеджных поселков сменила орда многоэтажек, перроны пригородных станций электричек, ставших теперь городскими, заросли разномастных, обшарпанных гаражей, построенных еще в советское время и которые все никак не снесут. До Казанского было еще полчаса, народ доедал припасенную в дорогу снедь, собирал и сдавал постельное, озабоченно смотрел на часы. Из радиоприемника лилась громкая танцевальная музыка, которая хорошо помогает отвлечься и хоть ненадолго не думать. Просто окунуться на время в бессмысленный ритм мелодии.

Не люблю ездить в купе.

На самом деле безопасность, которую вроде как создает стенка, отгораживающая твое личное пространство от вагонного коридора, довольно иллюзорная. Все двери отпираются одним и тем же универсальным ключом, изготовить который даже в самых примитивных условиях – плевое дело. А можно даже и без него, если у вас, к примеру, старый, советского образца напильник. Или подходящий нож. Вари-

антов существует множество, при случае могу показать. Еще хуже с СВ, там можно проникнуть со стороны санузла. И вот в этом случае стенка станет уже крышкой вашего гроба. Видели, как выглядит человек, которому отрезали язык и выкололи глаза? И лучшие не видеть. А еще лучше – не попадаться...

Лучшая защита – постоянное присутствие людей. В плацкартном, самом дешевом вагоне, куда всегда есть билеты. Людей, которые ходят в туалет, к бойлеру за горячей водой, посмотреть расписание, покурить в тамбуре или спросить о чем-то проводницу, перекинуться в карточки. Кто-то пьет пиво и лущает семечки, кто-то читает газету с описанием причин очередного провала российской сборной по футболу, кто-то играет на своем мобильнике. Пятьдесят с лишним человек, у каждого – свои потребности, свое время, кто-то жаворонок, кто-то сова, кому-то надо покурить или отлечь ночью. Это и есть лучшая твоя защита, десятки глаз вокруг. Нужно просто быть таким же, как все. Так же выходить покурить и потрепаться в тамбуре, угостить соседа курицей, улыбнуться шалящему ребенку. Тогда ты, скорее всего, останешься жив.

Напротив меня – мама с двумя дочками, одной одиннадцать, другой семь. Младшая ходит в СДЮШОР по художественной гимнастике, даже ездит куда-то на соревнования за границу. Старшая в одиннадцать уже готовая хулиганка, но при этом отлично умеет подлизываться к матери. И ко

всему жаворонок... голосистый, с самого утра мне спать не давала. Едут в Москву, занятия в школе уже закончились. Отец работает в Москве, а семья пока что живет в провинции.

Это – будущее моей страны. Моего народа...

У меня нет каких-то красивых слов, припасенных на этот случай, и я давно уже ни во что не верю. Смысла верить нет вообще, просто когда наступает разочарование – это даже не больно. Это мерзко. Но каждое действие должно иметь причину, и мои действия – каждое из них – тоже имеют свой мотив и свою причину. Причины – сейчас сидят передо мной, одна мотает ногой, а другой мать дала шлепка, чтобы не вертелась и пытается застегнуть легкую куртку. Просто если я не буду делать то, что я делаю, будущего у них нет.

Страшно, да? Будущего – нет. Когда-нибудь задумывались над действительным смыслом этих слов. А вы задумайтесь. Осознайте, что будущего и в самом деле может не быть. Вот кто-то примет решение – и вы больше никогда не встанете, не почистите зубы, не пойдете на остановку, не сядете в маршрутку, не... Не – вот и все, что для вас останется...

Покончив с одеванием, женщина напротив начала стаскивать сумку с третьей полки. Интересно... что там такое может быть? Я придержал одной рукой, иначе бы упала... – Спасибо... поможете?

Я улыбнулся.

— Конечно.

Я такой же, как и все. Человек ниоткуда, без видимых примет, в неяркой одежде. Сейчас даже не очень загорелый. Со мной лишь спортивная сумка с минимумом вещей, которые к тому же я купил в магазинах недалеко от вокзала. Все новое. Конечно же я помогу. Женщины и дети — это то, ради чего нам еще стоит жить...

За окном плыл серый бетон моста, наверху — бесконечный поток машин выплескивался с моста на набережную. Почти приехали...

Женщину конечно же не встречали. Глава семейства занят на работе, времени, чтобы встретить семью, нет. Я донес вещи до стоянки такси и повернул назад, ко входу в тоннель, ведущий на «Комсомольскую»...

Много людей...

Для меня это признак опасности — скопление людей, ничего не могу с собой поделатъ. Нет, я, конечно, ничем не выдаю своего состояния — но в метро мне всегда не по себе. Потом, может быть, расскажу, почему так. А может, и не расскажу, это как дальше дело пойдет. Я вообще не очень словоохотливый человек, молчуном был всегда, а при психологическом тестировании у меня обнаружили пассивно-агрессивный тип личности, идеальный для того, чем я занимаюсь. Тем не менее при необходимости я могу быть очень

общительным. Это если нужно кого-то разговорить, отвлечь внимание или к кому-то подобраться. Но так я молчун, а с вами сейчас разговариваю... ну, скажем, для тренировки.

К тому же вы должны понимать, что, возможно, я вам просто лгу. Это не потому, что я такой плохой или вы мне не нравитесь, вовсе нет. Просто ложь — неотъемлемая часть моей нынешней профессии и моего существования. Они тоже много лгут, еще больше чем я.

В газетном киоске, прислоненном к облицованному мрамором столбу, я покупаю «Московский комсомолец» и очень удобную карту московского метрополитена размером с небольшой блокнот. Газету я сворачиваю и сую под мышку, а карту внимательно изучаю, стоя в очереди за транспортной картой. Вообще-то я знаю все станции московского метро, помню наизусть их входы, выходы, переходы, количество эскалаторов, нормальную и пиковую вместимость станций, расположение служебных помещений и даже кое-что из того, о чем я не имею права говорить. Например, на каких конкретно станциях замаскированные выходы из служебных помещений метро идут на поверхность или на объекты подземной Москвы, большей частью законсервированные. Но я не хочу, чтобы кто-то подозревал во мне знатока московского метрополитена, и потому, стоя в очереди, я читаю карту и поглядываю на название станции, словно пытаюсь понять, где это я оказался. Если ты знаешь —

показывай, что не знаешь, если ты силен – показывай, что ты слаб. Самое главное, не разыгрывать из себя супермена и всегда делать все, что нужно, не пропуская ни единой мелочи. Внимание к мелочам сохраняет жизнь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.